

У - 758

О. С. ИОФФЕ

**ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ
ВРЕДА**

2-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД

1952

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

О. С. ИОФФЕ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1952

АННОТАЦИЯ

Книга посвящена изложению основ советского законодательства, регулирующего обязательства по возмещению вреда, а также ознакомлению практических работников с основными вопросами, возникающими в судебной практике по делам этого рода.

В процессе подготовки второго издания были учтены некоторые новые вопросы, выдвинутые практикой, а также критические замечания судебных работников, высказанные при обсуждении первого издания.

Книга предназначена для народных судей и заседателей, адвокатов, юристов-консультантов, профсоюзных работников, хозяйственных и других лиц, которые по характеру своей деятельности сталкиваются с гражданскими спорами по делам о возмещении вреда, а также может служить пособием для студентов юридических учебных заведений.

Ответственный редактор
доц. Л. И. Картужанский

Глава I

ЗНАЧЕНИЕ И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА

«Если капиталисты, — указывал товарищ Сталин в докладе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., — провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли». ¹ Это сталинское указание получило законодательное закрепление в ст. 131 Конституции СССР, устанавливающей, что «каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Во второй фазе развития Советского государства, после того, как отмерла функция военного подавления внутри страны, у нашего государства возникает новая функция — «... функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра». ² В осуществлении функции охраны социалистической собственности

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 393.

² Там же, стр. 606.

получает одно из своих выражений вскрытая товарищем Сталиным активная роль надстройки по отношению к базису,¹ активная роль Советского государства в укреплении и дальнейшем развитии социалистического базиса.

Новым блестящим подтверждением учения товарища Сталина об активной творческой роли социалистической надстройки в деле укрепления своего базиса, в деле строительства коммунизма в нашей стране являются принятые XIX съездом партии директивы по пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы, которые, предусматривая новый мощный подъем промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, транспорта и связи, а также дальнейший рост материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня народа, явятся в результате их осуществления «... крупным шагом вперед по пути развития от социализма к коммунизму».²

«Наша могучая Родина, — сказал на XIX съезде партии Г. М. Маленков, — находится в расцвете своих сил и идет к новым успехам. У нас имеется все необходимое для построения полного коммунистического общества. Природные богатства Советской страны неисчерпаемы. Наше государство доказало свою способность использовать эти огромные богатства на пользу трудящихся. Советский народ показал свое умение строить новое общество и уверенно смотрит в будущее».³ В своей практической работе советский народ опирается на знание экономических законов, на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным и сформулированную в программных указаниях гениального Сталинского труда «Экономические проблемы социализма в СССР». Задача состоит теперь в том, чтобы претворить эти программные указания в реальную действительность, сконцентрировав на реше-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 5—7.

² Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы. «Правда», 12 октября 1952 г.

³ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 108.

нии этой всемирно-исторической задачи все усилия советского народа, все формы и методы работы социалистического государства, в том числе и такую его важнейшую функцию, как функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра.

Наряду с охраной и закреплением социалистической собственности в двух ее формах — в форме государственной и кооперативно-колхозной собственности, — Сталинская Конституция провозглашает также «право личной собственности граждан на трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан...» (ст. 10). Развитие и укрепление личной собственности граждан на базе дальнейшего развития и укрепления социалистической системы хозяйства и социалистической собственности составляет одну из важнейших задач Советского государства, прямо вытекающую из открытого товарищем Сталиным основного экономического закона социализма, существенными чертами и требованиями которого является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».¹

«Цель социалистического производства, — учит товарищ Сталин, — не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей».² «...Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, — это цель социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, — это средство для достижения цели».³ В соответствии со значением, которое приобретает

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 40.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 78.

личная собственность граждан в современных условиях, когда выдвигается задача «улучшать дальше материальное благосостояние нашего народа; неуклонно повышать реальную заработную плату рабочих и служащих, улучшать жилищные условия трудящихся; всемерно содействовать росту доходов крестьян»,¹ определяются также и задачи советского права в деле охраны имущественных прав граждан.

Нарушение этих прав советских граждан, причинение ущерба личной собственности, возникающей в результате труда в социалистической системе хозяйства, не может не влечь за собою применения соответствующих санкций к правонарушителям со стороны Советского государства, зорко охраняющего права граждан, предоставленные им законом.

Помимо имущественных прав, Советское государство придает огромное значение личным правам граждан. И. В. Сталин указывает: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть».² Поэтому в условиях социализма законодательную охрану получают также такие права советского гражданина, которые, будучи признаны за ним Сталинской Конституцией, законодательно закрепляют тот факт, что социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов, что дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество.³

Охрана социалистической собственности, а также личной собственности граждан, охрана личности советского гражданина, как члена социалистического общества составляет важнейшую задачу советского социалистического права и всех его отраслей. Разрешение этой задачи обеспечивается нормами советского уголовного права, среди которых на первое место должны быть поставлены Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) Госполитиздат, 1952, стр. 79.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10 е, стр. 602.

³ См там же

1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».¹

Та же цель преследуется и мерами административного права. Достаточно указать, например, на роль, которую сыграло и продолжает играть в настоящее время Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»² в деле обеспечения возврата колхозам незаконно изъятого у них имущества.

Однако наличие всех этих и иных мер не только не исключает, а, наоборот, прямо предполагает в целях наиболее полной и последовательной защиты социалистической и личной собственности, в целях охраны личных прав граждан применение также и мер гражданско-правового характера. Мерами уголовного права обеспечивается привлечение к ответственности и наказание преступников, но эти меры, как правило, не обеспечивают устранения последствий, вызванных преступлением. Такая мера наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред (ст. 20 п. н) УК РСФСР), практически встречается крайне редко и по прямому указанию закона (ст. 44 УК РСФСР) может быть применена лишь в случаях, если суд признает целесообразным, чтобы сам осужденный устранил причиненный потерпевшему ущерб. Мерами административного права, как показала, например, практика применения Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г., может быть обеспечено устранение последствий правонарушения. Но это, как правило, бывает возможно лишь тогда, когда имущество, в связи с которым было совершено правонарушение, сохранилось в натуре и может быть возвращено собственнику.

Между тем, последовательная и наиболее полная охрана социалистической и личной собственности предполагает также и устранение имущественных последствий,

¹ См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 19.

² СП СССР, 1946, № 13, ст. 254.

вызванных правонарушением: возвращение имущества собственнику, возмещение причиненного ему вреда и т. д. Разрешение этой задачи обеспечивается по преимуществу мерами гражданского права, которые играют поэтому важную роль в общей системе средств, используемых нашим государством в целях охраны социалистической и личной собственности. Одним из таких средств и является институт обязательств по возмещению вреда, предусмотренный ст.ст. 403—415 ГК РСФСР.

Следовательно, основная задача института возмещения вреда как одного из способов по охране социалистической и личной собственности состоит в обеспечении ликвидации последствий правонарушения, в устранении того материального ущерба, который понесло государство, кооперативно-колхозная организация или гражданин. Этим определяется и область применения обязательств по возмещению вреда: они применяются там, где противоправными действиями причиняется имущественный ущерб; они применяются для того, чтобы обеспечить ликвидацию этого ущерба.

Но институт возмещения вреда не является единственным способом гражданско-правовой защиты права собственности в нашей стране. К числу таких важнейших способов, известных советскому гражданскому праву, относятся также иски об изъятии вещи из чужого незаконного владения (ст.ст. 59, 60 ГК), иски о возмещении убытков, вызванных неисполнением договора, иски из так называемого неосновательного обогащения (ст.ст. 399—402 ГК) и др. Наличие этих разнообразных мер обязывает нас более точно установить, когда, в каких случаях подлежат применению ст. ст. 403—415 ГК РСФСР. Вопрос этот имеет не только теоретический интерес, но и огромное практическое значение. Об этом свидетельствуют иногда встречающиеся ошибки в практике применения указанных статей.

Так, иногда иски по возмещению вреда (ст. 403 ГК) ошибочно квалифицируются по ст. 399 ГК как иски из так называемого неосновательного обогащения. Ошибка в квалификации может привести к ошибочному решению дела в целом. Покажем это на примере. Б. завладел

роялем, принадлежащим А., и продал этот рояль В. за 3 000 руб., тогда как в действительности он стоит 5 000 руб. Если иск, который А. предъявит к В., будет рассматриваться как иск о возмещении вреда (ст. 403 ГК), в пользу истца должно быть взыскано 5 000 руб., и он получит полное возмещение. Если же тот же иск будет квалифицирован как иск из так называемого неосновательного обогащения (ст. 399 ГК), в пользу истца может быть взыскано лишь 3 000 руб., т. е. сумма, на которую обогатился ответчик, и он получит неполное возмещение.

В некоторых случаях дела по искам об изъятии вещей из чужого незаконного владения (ст.ст. 59, 60 ГК) неправильно разрешаются на основе ст. 403 ГК, предусматривающей возмещение вреда. Эти ошибки также приводят к неправильному решению дела по существу. Например, по ст.ст. 59, 60 ГК гражданин, который потерял свою вещь или у которого она была похищена, вправе изъять ее даже у добросовестного приобретателя. Но если то же дело рассматривать на основе ст. 403 ГК, то у добросовестного приобретателя вещь никогда не могла бы быть изъята, ибо он невиновен, тогда как для ответственности по ст. 403 ГК необходимо наличие вины.

Наиболее часто по ст. 403 ГК ошибочно квалифицируются иски о возмещении убытков, причиненных неисполнением договора. Ошибки этого рода также могут повлечь за собой неправильное разрешение дела. Например, должник может освободить себя от ответственности за убытки, если будет доказано, что неисполнение договора вызвано неосторожностью кредитора (ст. 118 ГК). Но если дело разрешается на основе ст. 403 ГК, то одной лишь неосторожности истца для этого недостаточно: ответчик может быть освобожден от ответственности только при том условии, что истец допустил грубую неосторожность.

Чтобы устранить эти и иные ошибки подобного рода, необходимо ясно представить себе, когда должны применяться нормы о возмещении вреда (ст.ст. 403—415 ГК) и когда применению подлежат иные из перечисленных

способов защиты гражданских прав. Вопрос этот должен решаться на основе следующих правил.

Если правонарушение выразилось в том, что вещь, принадлежащая одному лицу (социалистической организации или гражданину), оказалась в незаконном обладании у другого лица и имеется у него в натуре к моменту предъявления иска, должен быть предъявлен иск не о возмещении вреда (ст. 403 ГК), а об изъятии вещи (ст.ст. 59, 60 ГК). И это вполне понятно. Причинить имущественный вред — значит уменьшить состав имущества собственника. Но если вещь находится в чужом незаконном владении, сохранена в натуре и собственник может ее изъять, то он не потерял права на вещь. Состав его имущественных прав не уменьшился, и, следовательно, имущественный ущерб ему не причинен. Поэтому у него не может быть иска о возмещении ущерба. У него есть только иск об изъятии вещи из чужого незаконного владения.

Таким образом, для возникновения обязательства по возмещению вреда необходимо, чтобы противоправными действиями был причинен вред в указанном смысле, т. е. в смысле уменьшения объема имущественных прав потерпевшего. Это бывает не только тогда, когда вещь была повреждена или уничтожена. Это бывает и тогда, когда вещь имеется в натуре, но вследствие противоправных действий другого лица собственник лишился права на нее.

Например А., получив имущество по завещанию, признанному впоследствии недействительным, продал его Б., который является добросовестным приобретателем, ибо он не знал и не должен был знать о том, что А. не имел права отчуждать приобретенное им имущество. Согласно ст. 60 УК, у Б. как у добросовестного приобретателя имущество не может быть изъято, несмотря на то, что оно сохранилось в натуре. Действительный наследник этого имущества, таким образом, утратил право на него в силу неправомερных действий А. А. является причинителем вреда и должен возместить его потерпевшему.

Однако одного лишь факта причинения вреда в смысле уменьшения объема имущественных прав потерпевше-

го еще недостаточно для применения ст.ст. 403—415 ГК. Если, например, наниматель причиняет вред имуществу, переданному ему в пользование, он будет нести ответственность перед собственником имущества не по ст. 403, а по ст. 176 ГК, прямо предусматривающей такую ответственность. Наличие договорных отношений между причинителем убытков и потерпевшим, если вред был причинен в результате неисполнения должником его договорных обязанностей, исключает возникновение обязательства по возмещению вреда. Договорный контрагент несет ответственность не по обязательству из причинения вреда, а на основе того договорного обязательства, которое им было нарушено.

Таким образом, для возникновения обязательств по возмещению вреда необходимо, чтобы вред был причинен лицом, либо вообще не состоящим в договорных отношениях с потерпевшим, либо независимо от договорных отношений с ним, т. е. помимо нарушения причинителем вреда своих договорных обязанностей перед потерпевшим. Например, если наниматель дома вскапывает огород, принадлежащий собственнику дома, он должен нести ответственность не договорного характера, а основанную на обязательстве по возмещению вреда. Хотя он и состоял в договоре с собственником дома, но вред был им причинен не в результате нарушения обязанностей, возложенных на него по договору. Поэтому и отвечать он должен по ст. 403 ГК.

Это правило с предельной четкостью сформулировано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда».¹

Ст. 1 этого постановления указывает: «Правила ст.ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик должны применяться судами лишь в тех случаях, когда взыскивается возмещение за вред вне договорных отношений». Если же вред был причинен в пределах договорных отношений вследствие

¹ См. Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924—1944 гг., стр. 174.

неисполнения своих договорных обязательств одним из контрагентов, ст.ст. 403—415 ГК применению не подлежат.

Подводя итоги сказанному, можно установить следующее общее правило: из трех способов защиты гражданских прав, предусмотренных ГК РСФСР, — иски об изъятии вещей из чужого незаконного владения; иски о возмещении убытков, причиненных неисполнением договора; иски, основанные на обязательствах по возмещению вреда, — третий способ (обязательства по возмещению вреда) применим лишь в тех случаях, когда отсутствуют предпосылки для применения первых двух исков. Если же имеются основания для предъявления иска об изъятии вещи в натуре (ст. 59, 60 ГК) или о возмещении убытков, вызванных нарушением договорных обязанностей, возможность предъявления исков из обязательств по возмещению вреда (ст.ст. 403—415 ГК) исключена.

Несколько иначе обстоит дело с размежеванием обязательств по возмещению вреда и обязательств по возмещению так называемого неосновательного обогащения (ст. 399 ГК).

В подавляющем большинстве случаев причинения вреда мысль о применении ст. 399 ГК (возмещение так называемого неосновательного обогащения) вообще не может возникнуть. Если, например, лицо только повреждает или уничтожает чужую вещь, то оно вовсе при этом не обогащается за счет потерпевшего и потому, разумеется, не должно нести ответственность по ст. 399 ГК. Иногда, однако, причинение вреда создает известный плюс в имуществе причинителя, обогащает его. Таковы, например, случаи похищения чужих вещей и их последующего потребления, уничтожения, продажи и т. д.

В делах подобного рода обычно и могут возникнуть колебания между ст. 403 и ст. 399 ГК РСФСР.

Рассуждая абстрактно, нет препятствий к тому, чтобы в случае обогащения причинителя за счет потерпевшего к нему был предъявлен иск о возмещении не причиненного вреда (ст. 403 ГК), а так называемого неосновательного обогащения (ст. 399 ГК). Но мы уже ви-

дела, что такое решение вопроса может привести к тому, что потерпевший не получит полного возмещения причиненного ему вреда. Поэтому абстрактно-теоретические рассуждения здесь мало помогают делу, и нужно исходить из практических задач предоставления потерпевшим наиболее полной и широкой защиты их гражданских прав. С другой стороны, и с точки зрения воспитательных задач советского гражданского права недопустимо смешение двух видов обязательств — обязательств по возмещению вреда и обязательств из так называемого неосновательного обогащения. Когда лицо привлекается к ответственности на основе обязательства по возмещению вреда, причиненного им (ст. 403 ГК), то это означает, что оно виновно и что его поведение заслуживает осуждения. Когда же возникает обязательство возместить неосновательное обогащение, то вопрос о вине вообще не ставится, и потому об осуждении поведения обязанного лица не может быть и речи. Так, например, если по ошибке деньги по почтовому переводу были вручены не действительному адресату, а его однофамильцу, который принял их, также ошибочно полагая, что деньги переведены ему, он должен возратить полученную сумму как неосновательное обогащение (ст. 399 ГК), но его поведение не заслуживает осуждения, ибо он невиновен. Но если получатель по денежному переводу воспользовался чужой ошибкой и намеренно получил предназначенные для него деньги, его поведение достойно осуждения, и он должен нести ответственность уже не по ст. 399, а по ст. 403 ГК.

По изложенным соображениям необходимо притти к следующему выводу. Если может быть предъявлен иск, основанный на обязательстве по возмещению вреда (ст. 403 ГК), возможность предъявления иска из неосновательного обогащения (ст. 399 ГК) исключается. Иск из так называемого неосновательного обогащения предъявляется лишь в том случае, если отсутствует хотя бы одно из условий, необходимых для предъявления иска по возмещению причиненного вреда.

К характеристике этих условий мы и переходим.

Глава II

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

§ 1. Противоправность действия или бездействия

Имущественный вред может наступить в результате действия или бездействия лица, причинившего вред. Чаще всего вред причиняется положительными действиями. Как правило, именно действиями (обычно, неосторожными) повреждается чужое имущество, причиняется телесное повреждение или смерть. Бывают, однако, случаи, когда вред наступает в результате бездействия, т. е. вследствие того, что лицо не совершило всех необходимых действий, при совершении которых вред не наступил бы. В практике Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР имело, например, место следующее дело.¹ Гр-н И. приобрел в аптеке мазь для лечения коров от паразитов, но после того, как лекарство было использовано, коровы слизали его и погибли от отравления. Для окончательного решения дела Судебная коллегия предложила установить при его новом рассмотрении, «...было ли дано И. со стороны работников аптеки наставление о способе употребления этого лекарства». Ясно, что если наставление не было дано, значит работники аптеки бездействовали, и их бездействие привело к наступлению вреда.

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1940 г., стр. 225.

Итак, причиной наступления вреда может быть и действие, и бездействие. Однако не всякое действие, причинившее вред, может влечь за собой возложение обязанности по его возмещению. Возмещение вреда, основанное на ст. 403 ГК, является видом гражданской ответственности. Но для привлечения лица к ответственности необходимо, чтобы его поведение было противоправным. Поэтому противоправный характер действия или бездействия, причинившего вред, составляет необходимое условие возникновения обязательства по возмещению вреда.

При каких условиях поведение лица должно быть признано противоправным? Этот вопрос целесообразно рассматривать отдельно в отношении действия и бездействия.

Действие является противоправным, если его совершение запрещено законом. Не всегда, однако, закон содержит в себе исчерпывающий перечень запрещенных им действий, ибо построение правовых норм по принципу исчерпывающего перечня дозволяемых или, наоборот, запрещаемых ими действий, как правило, не только невозможно, но и обычно нецелесообразно с точки зрения задач и принципов законодательной техники. Даже в уголовном законе, большинство норм которого предусматривает отдельные составы преступления, последние, как правило, описываются лишь наиболее общим образом. Типичным примером может служить ст. 74 УК РСФСР, которая говорит просто о хулиганских действиях, не только не давая их общего перечня, но даже не объясняя, что следует понимать под хулиганскими действиями. Между тем, наши судебные органы с достаточной точностью отграничивают хулиганские действия от действий, которые хулиганскими не являются. При оценке и квалификации соответствующих действий суды исходят из принципов нашей социалистической нравственности, из правил социалистического общежития, уважать которые, согласно ст. 130 Сталинской Конституции, обязан каждый советский гражданин.

Это, конечно, не означает, что правила социалистиче-

ского общежития являются законом, правовой нормой. Силу закона имеют лишь те правила социалистического общежития, которые прямо включены в нормы советского права. Однако для понимания и правильного применения правовых норм, для правильной оценки поведения граждан имеют значение также и те правила социалистического общежития, которые в закон не включены и потому силы закона не имеют.

Мы убедились в этом на примере, заимствованном из уголовного права. Но не меньшее, если не большее, значение правила социалистического общежития имеют для применения норм гражданского права, ибо в гражданском праве мы не находим даже того перечня запрещенных действий, который в общих чертах обрисован в нормах уголовного права, предусматривающих отдельные виды преступлений. Гражданское право в этом отношении ограничивается по существу всего лишь одной нормой, а именно ст. 403 ГК, которая запрещает совершать действия, причиняющие вред. Но ведь не всякое действие, причиняющее вред, является противоправным. Пожарная команда, уничтожающая расположенное близ очага пожара имущество для предотвращения распространения огня, или врач, ампутирующий ногу, тоже причиняют вред. Тем не менее, никто не станет рассматривать эти действия как запрещенные ст. 403 ГК. Какими же правилами надлежит руководствоваться, решая вопрос о противоправном характере действия, причиняющего вред?

В некоторых случаях действия, причиняющие вред, прямо запрещены законом. Таковы, например, случаи, когда вредоносное действие образует в то же время состав преступления или запрещено административными предписаниями. Ни у кого не возникнет сомнения в противоправном характере умышленного или неосторожного убийства, предусмотренных ст.ст. 136—139 УК РСФСР, или нарушения правил уличного движения, установленных в административном порядке.

Но очень часто действия, причиняющие вред, не образуют ни состава преступления, ни административного правонарушения. Они прямо не запрещены каким-либо

конкретным законом. В таких случаях и может возникнуть сомнение в том, является ли данное действие вообще противоправным.

Это сомнение в значительной мере устраняется благодаря указанию ст. 403 ГК о том, что причинитель освобождается от ответственности, если докажет, что он был «управомочен на причинение вреда»: Управомоченным в данном случае является и тот, кто осуществляет свое право, и тот, кто исполняет возложенную на него обязанность. В приведенных выше примерах ни пожарная команда, ни врач ответственности нести не могут, так как они исполняли возложенную на них обязанность.

Не обязан также, например, съемщик квартиры возмещать расходы по переезду из этой квартиры жильцу, который вселился в нее по ошибочно выданному ордеру, ибо съемщик, производя выселение, осуществляет свое право.

По тем же основаниям не может быть обязано к возмещению вреда лицо, действовавшее в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, ибо такое право предоставлено ему по закону (ст. 13 УК РСФСР).

И все же указание ст. 403 ГК об освобождении от ответственности лица, управомоченного на причинение вреда, само по себе не во всех случаях предрешает вопрос о возможности или невозможности признания данного действия противоправным. Не всегда осуществление права полностью исключает противоправность. Если право используется специально для того, чтобы причинить вред, такое действие является противоправным. Так, например, собственник дома, к глухой стене которого примыкает строение, принадлежащее его соседу, не может, сославшись на свое право, произвести переоборудование этой стены без учета интересов соседнего собственника, ибо такие действия, лишь по внешней видимости

¹ В отношении крайней необходимости следует заметить, что, в отличие от уголовного права, где она всегда освобождает от ответственности, при разрешении гражданских дел суд может, в соответствии со ст. 406 ГК, возложить на причинителя обязанность возместить потерпевшему вред полностью или частично.

напоминающие осуществление права, фактически являются противоправными по своему характеру.

С другой стороны, не всегда действия, причиняющие вред, но прямо не запрещенные законом, связаны с осуществлением права или исполнением обязанности. Нам пришлось встретиться со следующим судебным делом. Куры, купленные колхозником Л., случайно высвободились из клетки и оказались в сарае соседнего колхозника С. Последний, зная о том, что куры его соседом куплены недавно и к новому месту еще не привыкли, не сообщив, тем не менее, об этом хозяину, а дверь сарая, бывшую до этого закрытой, открыл настежь. Куры впоследствии пропали. Действия колхозника С., открывшего двери сарая, причем, как он объяснил, без всякого намерения избавиться от соседских кур, не являются ни исполнением обязанности, ни осуществлением права. Но именно в силу этих действий и был причинен вред. Являются ли эти действия противоправными? Могут ли они повлечь ответственность по возмещению причиненного вреда?

Прямого ответа на этот вопрос в законе мы не найдем, и здесь, именно, и надлежит руководствоваться правилами социалистического общежития. Не имея силы закона, правила социалистического общежития важны для его правильного понимания. Они имеют также большое значение для решения на основе закона вопроса о том, может ли данное действие быть признано противоправным по своему характеру.

Переходим к бездействию. Для признания противоправным бездействия необходимо, чтобы на данном лице лежала обязанность совершения соответствующего положительного действия. Тогда бездействие означает нарушение этой обязанности и потому является противоправным.

Обязанность совершения определенных действий может вытекать из прямого указания закона. Примером такой обязанности может служить всеобщая для советских граждан обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность как свяшенную и неприкосновенную основу нашего строя, возложенная на них ст. 131

Сталинской Конституции. К разряду вытекающих из закона обязанностей совершения определенных положительных действий относится также возлагаемая на администрацию предприятий нормами трудового законодательства обязанность по обеспечению производственного процесса необходимыми средствами техники безопасности. Несоверженение этих действий рассматривается как нарушение требований советских законов о труде и влечет за собою возложение на предприятие обязанности возместить вред, причиненный в связи с этим его работникам.

Обязанность совершения действий может вытекать также из договора или трудовых правоотношений. Однако ответственность по ст. 403 ГК за вред, причиненный несовершением действия, может иметь место только перед третьими лицами, которым вред был причинен, а не перед контрагентом по договору, перед которым правонарушитель несет договорную ответственность.

Обязанность совершения определенных действий может, наконец, возникнуть из ситуации, созданной данным лицом. Если, например, опытный альпинист увлекает с собой в горную прогулку неискушенного в этом спорте человека, он тем самым принимает на себя обязанность оказания ему помощи в необходимых случаях. Неоказание помощи в этих условиях является противоправным по своему характеру.

Встречаются, однако, случаи, когда лицо, обязанное к определенному действию, не совершает его потому, что оно лишено возможности совершить это действие. В судебной практике имело место следующее дело. Во время перегона скота через железнодорожное полотно нога одной из коров застряла между рельсами в момент автоматического перевода стрелки. Перевести стрелку вновь для того, чтобы высвободить корову, было уже невозможно, так как с минуты на минуту в этом месте должен был пройти товарный поезд. Не представлялось также возможным задержать поезд при помощи сигналов в пути, а, с другой стороны, машинист, ведший состав из-за поворота на большой скорости, не мог его своевременно остановить. Принятие соответствующих мер лежа-

ло на обязанности работников железной дороги, однако выполнить эту обязанность они не могли, а потому и вопрос об ответственности должен быть решен отрицательно, ибо, как указывает Верховный Суд, лицо «не может отвечать за последствия, устранение которых было вне пределов его возможности».¹

Для возложения ответственности за бездействие недостаточно поэтому одного лишь долженствования, наличия обязанности действовать. Необходимо, чтобы лицо не только должно было, но и могло совершить действие, несовершенство которого повлекло за собой причинение вреда.

Нетрудно понять, что и для установления противоправного характера бездействия огромное значение имеет оценка поведения лица на основе правил социалистического общежития. Должен ли был гражданин при данных условиях совершить определенное действие, лежала ли на нем такая обязанность при возникшей ситуации, принял ли он все необходимые меры для совершения этого действия, в достаточной ли степени были им учтены все объективные возможности, действовал ли он при этом с должной добросовестностью, — все эти практически весьма важные вопросы могут быть разрешены судом лишь с учетом тех высоких требований, которые Советское государство и социалистическое общество предъявляют к гражданам.

Причинение вреда бездействием — явление не такое уж исключительное, как может показаться на первый взгляд. В то же время противоправное бездействие — факт не менее, а иногда и более опасный, чем противоправное действие. Достаточно сказать, например, что случаи причинения производственных травм, как правило, являются результатом бездействия, выражающегося в несоблюдении правил техники безопасности. Но именно на борьбу со случаями этого рода должна быть в первую очередь направлена деятельность наших судов. Поэтому судебные органы подходят с осо-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда от 31 декабря 1939 г.

бой внимательностью к разрешению этих дел, пресекая всякие попытки снижения или, тем более, полного освобождения от ответственности за подобное, по существу, преступное бездействие. Показательным в этом смысле является следующее дело.¹

М., помощник машиниста паровозного депо, производил замер нефти в баке, пользуясь освещением керосиновой коптилки. От произошедшего вследствие этого взрыва М. получил ожоги. Народный суд, рассматривая это дело, признал виновным не только паровозное депо, но и самого М., неосторожно пользовавшегося для освещения бака керосиновой коптилкой, и потому удовлетворил его иск не в полном объеме, а лишь в размере 50%. Верховный Суд отменил это решение, указав, что вред явился результатом виновного бездействия паровозного депо, администрация которого, несмотря на прямые предписания, не изъяла из употребления керосиновые коптилки и не заменила их электрофонарями. Кроме того, депо было признано виновным также в том, что оно допустило М. к должности помощника машиниста, не обучив его методам работы на паровозе. Перед нами случай, когда вред был причинен бездействием, но при этом бездействием, которое повлекло и в еще большей мере могло повлечь за собой тяжкие последствия.

Итак, для признания противоправным действия необходимо, чтобы оно было запрещено законом. Для признания противоправным бездействия необходимо, чтобы лицо должно было и могло совершить соответствующее действие. При этом противоправный характер как действия, так и бездействия устанавливается на основе норм права с учетом тех связанных с ними правил социалистического общежития, которые подверглись нарушению.

§ 2. Причинная связь

Уже из самого наименования рассматриваемых обязательств — «Обязательства из причинения вреда» — следует, что они могут возникнуть лишь при условии на-

¹ См. Определение № 36/26 по иску М. к Управлению ж. д.

ступления вреда. Какие бы действия ни были совершены, но если они не повлекли за собой причинение вреда, не может возникнуть и гражданская ответственность. Совершенные действия, если они являются преступлением (например, покушение на убийство или поджог), караются мерами уголовного наказания или влекут за собой административные санкции (например, штраф), когда они составляют административное правонарушение. Но они не могут служить основанием для возложения обязанности по возмещению вреда, поскольку вред не причинен. В отличие от права уголовного, гражданское право не знает ни понятия приготовления, ни понятия покушения. Гражданскому праву известен лишь законченный состав правонарушения, включающий в себя наступление вредных последствий. Причинение вреда является поэтому необходимой предпосылкой гражданской ответственности. Но при этом вред должен наступить именно в силу противоправных действий лица, привлекаемого к ответственности, он должен быть причинен действиями этого лица. Иначе говоря, для ответственности за вред необходимо, чтобы между ним и противоправным действием (или бездействием) имелась причинная связь. Наличие причинной связи и составляет второе условие возникновения обязательств по возмещению вреда.

В ряде встречающихся на практике дел констатировать наличие причинной связи между противоправным действием и наступившим результатом, или, наоборот, признать отсутствие причинной связи — задача более или менее простая. Едва ли может возникнуть сомнение в том, что явилось причиной смерти при выстреле в упор или причиной повреждения костюма проходившего под окном пешехода в то время, когда из окна выбросили горящий окурок. И, наоборот, едва ли кто-либо практически может ставить вопрос о том, чтобы признать причинителем смерти лицо, нанесшее телесное повреждение потерпевшему, который в больнице во время лечения простудился и умер от воспаления легких.

Однако ознакомление с практикой по делам о возмещении ущерба свидетельствует о том, что иногда срав-

нительно простые случаи получают неправильное разрешение вследствие ошибочного подхода к вопросу о причинной связи: Этот вопрос является, следовательно, не только в теоретическом, но и в практическом отношении гораздо более сложным, чем можно было бы подумать на первый взгляд. Приведем в подтверждение один пример.

Х., ученица 4-го класса одной из школ Ленинграда, была оставлена вместе с другими девочками убирать классную комнату. Протирая окно, она уронила вату на улицу и выглянула, чтобы увидеть, куда упала вата. В этот момент К., учащийся школы ФЗО, находясь неподалеку от окна, выстрелил из самопала и попал девочке в лоб, причинив ей увечье. Кажется, совершенно очевидно, что причинителем увечья является К. Между тем, суд, рассматривавший это дело, исходил из того, что Х. была поставлена в такие условия, при которых произошел несчастный случай, и указал, что если бы девочку не заставили мыть окно, то ей незачем было бы выглядывать в окно и т. д. Суд установил, таким образом, что причинителем вреда является школа, в которой обучалась Х., и потому взыскал возмещение с отдела народного образования.

В приведенном примере вопрос о причинной связи являлся более или менее простым и лишь по ошибке мог получить неправильное разрешение. Но встречаются дела, в которых трудность решения обуславливается исключительно сложной ситуацией самого случая. Например, гр-н Г.,¹ выглянув из окна вагона быстро мчавшегося поезда, увидел воспламенившуюся часть состава и во избежание неминуемой, по его мнению, гибели выпрыгнул из окна на ходу, получив тяжелое увечье. В действительности же пожар был потушен и состав спасен. Что является причиной наступившего результата?

В некоторых делах вначале причина наступивших последствий представляется абсолютно ясной, но затем

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР, 1938 г., стр. 157.

оказывается, что в действительности эти последствия были вызваны совершенно иной причиной. Например, суд установил, что Г., работавший дорожным мастером, допустил уширение и перекосы на крестовине стрелки; поэтому во время движения поезда произошел излом рамного рельса, вследствие которого поезд и потерпел крушение. Впоследствии, однако, выяснилось, что хотя сами по себе подобные обстоятельства и могут вызвать крушение, но в данном случае оно произошло в силу совершенно иной причины — вследствие обрыва тормозной тяги вагона.¹

Ясно поэтому, что для правильного решения вопроса о причинной связи необходимо тщательно и всесторонне изучить обстоятельства дела, обеспечив выявление всех факторов, которые так или иначе могли оказать влияние на наступление результата. В противном случае может оказаться, что суд признает причиной факт, который лишь в самой отдаленной степени связан с результатом, и не заметит обстоятельств, сыгравших решающую роль в его наступлении.

В реальной жизни никогда не бывает так, чтобы то или иное событие являлось результатом только одной причины. Даже в самых элементарных случаях таких причин бывает множество. Смерть есть результат не просто выстрела, но и тех многообразных процессов в организме, которые выстрел повлек за собой. Пожар есть результат не только поджога, но и тех многообразных условий, которые способствовали его возникновению. Ибо окружающий нас мир представляет собою «... связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга».²

Но из этого вовсе не следует, что, рассматривая конкретное дело, суд может ограничиться ссылкой на многообразие причин и условий, при которых наступил

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1938 г., стр. 19—20.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 536.

данный результат. Суд обязан выявить, какую роль в наступлении результата сыграло противоправное поведение человека и может ли последний быть привлечен к ответственности. Конечно, если бы выстрел не был связан с определенными процессами в организме, смерть не наступила бы; если бы поджог не был направлен на предметы, способные к воспламенению, пожар не произошел бы. И все же причиной смерти являются не происходящие в организме человека процессы, а выстрел убийцы, как и причиной пожара послужила не способность к воспламенению сожженных предметов, а действия поджигателя. Ибо «...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю...».¹ «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами — одно как причина, другое как действие».²

Оценивая каждое из обстоятельств, сыгравших роль в наступлении противоправных последствий, суд должен установить, какие из этих обстоятельств создавали лишь возможность наступления последствий, а какие обусловили превращение возможности в действительность. В приведенном выше примере школа, направившая ученицу мыть классную комнату, создала лишь возможность (и притом крайне отдаленную) наступления результата, действительно причиненного стрелявшим из самопала К. В деле по иску Г., который выбросился из поезда, опасаясь крушения, факт пожара лишь в том случае может рассматриваться в качестве причины, действительно вызвавшей наступление указанных последствий, если при данных обстоятельствах у Г. имелись серьезные, реальные, а не мнимые основания считать гибель поездного состава неотвратимой.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 22.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 407--408.

Различие между условиями, создавшими возможность наступления результата, и фактами, превратившими возможность в действительность, зависит от конкретных обстоятельств дела и выявляется на основе учета этих обстоятельств, а иногда и экспериментальных данных и выводов, представленных экспертизой.

Имея перед собой законченный состав правонарушения, — и наступивший результат, и тот круг обстоятельств, которым сопровождалось его наступление, — суд всегда может поставить вопрос так: какие из этих обстоятельств делали результат лишь возможным, а какие превратили его из возможного в действительный? Однако и постановка этого вопроса еще не гарантирует от ошибок. Обращаясь вновь к делу о причинении увечья ученице, мы могли бы рассуждать и так: если бы девочка не выглянула из окна в момент выстрела, результат не наступил бы, хотя бы К. и произвел выстрел из самопала. Выходит, как будто бы, что и выстрел создавал лишь возможность, а не действительность причинения увечья. Можно продолжить это рассуждение и сказать далее, что если выстрел создал лишь возможность увечья, то возможность превратилась в действительность вследствие появления в окне девочки в момент выстрела. И тогда мы пришли бы к тому неправильному решению, которое и было принято судом по данному делу.

В чем же заключается ошибка, допущенная нами в этих рассуждениях?

Ошибка заключается в том, что мы, сами того не замечая, анализировали не данный казус, а наши предположения, приносимые в него. Если мы знаем, что нам известны все обстоятельства дела, то мы уже не можем рассуждать о том, что было бы, если бы одно из этих обстоятельств отсутствовало. Если хотя бы одно из обстоятельств отсутствовало, не было бы ни результата, ни данного дела вообще. Поэтому нужно решать вопрос о том, что в действительности произошло, а не о том, что было бы при иных обстоятельствах. Произошло же причинение увечья при наличии, по существу,

трех обстоятельств: а) учительница поручила школьникам убрать классную комнату; б) школьница X., вытирая окно, уронила вату и выглянула на улицу; в) К. выстрелил из самопала. При этих конкретных обстоятельствах ни поручение учительницы, ни выглядывание из окна нельзя считать причинением увечья. Все это лишь создавало возможность для того, чтобы К. действительно причинил увечье своим выстрелом.

Следовательно, причины подразделяются на два вида — на создающие возможность и превращающие ее в действительность. Одна и та же причина в одних условиях создает лишь возможность, а в других — действительность наступления результата.

Все зависит от того, какими индивидуальными особенностями обладает наступивший результат и проявилась ли в них причиняющая сила данного конкретного обстоятельства. Индивидуальные особенности наступившего результата определяются сравнительно просто. Сталкиваясь с тем или иным фактом в реальной жизни, легко определить, что перед нами смерть, а не пожар; повреждение ноги, а не уничтожение имущества и т. д. На основе особенностей каждого данного факта он и ограничивается от других фактов объективного мира. Но если нам в то же время известно, при каких обстоятельствах этот факт наступил, то мы всегда можем установить, какова причиняющая сила этих обстоятельств и получила ли она отражение в индивидуальных особенностях наступившего результата. При таком стечении обстоятельств, как поручение школьникам убрать классную комнату, выпадение ваты на улицу, выглядывание из окна потерпевшей и совершение на улице выстрела из самопала, если результатом всего этого явилось причинение увечья, на индивидуальных особенностях результата получила отражение причиняющая сила только одного факта — выстрела из самопала, а не других обстоятельств, сопутствовавших его наступлению. Этот факт превратил возможность в действительность. Он и явился, следовательно, причиной наступившего результата.

Оценивая все обстоятельства дела, суд не может не

учитывать и того, что перед ним не мертвые явления природы, а деятельность людей, которую он должен оценить и соответствующим образом квалифицировать. Иногда действие человека само по себе играет весьма ничтожную роль в наступлении результата. Но как только устанавливается, что лицо знало о наличии других обстоятельств и сознательно использовало их, так сразу же выясняется, что именно его действие, а не эти внешние обстоятельства, вызвали наступление данного результата. Чаще всего это бывает при совершении сложных уголовных преступлений. Но так как и преступные действия причиняют вред, а, с другой стороны, это возможно и в гражданских правоотношениях, необходимо обратить внимание и на дела такого рода. Приведем учебный пример. А. желает убить Б. Зная о том, что Б. идет на кухню, в которой по небрежности другого жильца оказался невыключенным газ, А. угощает его папиросом. Б. входит в кухню, и от огня папиросы происходит возгорание газа со взрывом, вследствие чего Б. погибает.

Те же последствия могли бы произойти при описанных обстоятельствах, если бы А. и не знал о них. Тогда, конечно, никто не стал бы рассматривать А. как причинителя смерти. Но так как А. были известны сложившиеся обстоятельства и он их сознательно использовал, его действия должны быть признаны причиной наступившего результата.

Проиллюстрируем изложенные принципы разрешения вопроса о причинной связи как необходимого условия возникновения обязательства по возмещению вреда на примере одного из дел, разрешенного органами Государственного арбитража.

Устанавливая газовую сеть на одной из улиц г. Ленинграда, подрядная организация, в нарушение общих технических норм и показателей технического проекта, уменьшила зазор в местах пересечения газовых и водопроводных труб ниже установленного предела. После того как работы по проведению газовой сети были закончены, на том же участке другая организация производила ремонт мостовой, используя для этой

цели вибрационную машину и другие механические средства. В результате давления этих средств на подземные сооружения водопроводные трубы, отделенные небольшим зазором от газовых труб, лопнули, и хлынувшей водой были затоплены товары двух торговых точек. Совершенно очевидно, что подрядная организация, производившая укладку газовых труб с нарушением технических норм, создала своими противоправными действиями лишь возможность наступления результата, который стал действительным вследствие давления вибрационной машины и других механических средств на подземные сооружения. Но так как, создавая эту возможность своими действиями, она не могла не знать о наступлении обстоятельств, которые превратят возможность в действительность, то на нее и была возложена обязанность по возмещению причиненного вреда.

Таким образом включение сознательной деятельности человека в общую цепь причинности может оказать серьезное влияние на ее развитие и придать ей совершенно иной характер, качественно иное направление. Поэтому она и должна быть учтена при решении общего вопроса о причинной связи. В то же время элемент сознательности, психический момент, важен также и в другом отношении, ибо в нем заключена вина правонарушителя, составляющая следующее, третье условие возникновения обязательств по возмещению вреда. Причинная связь, следовательно, не сливаясь с понятием вины, тесно связана с виновностью как сознательной деятельностью человека, включающейся в общую цепь причинности.

§ 3. Вина

Под виной понимают психическое отношение лица к совершенному им действию и наступившему вследствие этого результату. Но у человека имеется определенное психическое отношение к любому совершаемому им действию, ибо все, что человек делает в нормальном состоянии, он делает сознательно. Понятие вины не исчерпывается поэтому одним лишь психическим моментом. Необходимо также, чтобы самое психическое

отношение распространялось на определенные, а именно, на противоправные действия и вызываемые ими противоправные последствия. Когда мы говорим, что человек виновен, то мы не ограничиваемся при этом ссылкой лишь на то, что он совершил определенное, пусть даже отрицательное по своим последствиям действие. Действия человека, стреляющего в чаще леса и убивающего, вместо зверя, другого случайно оказавшегося там человека, никто не назовет виновными, хотя они и привели к наступлению нежелательного результата. В признании лица виновным содержится общественное осуждение его поведения. Основанием для такого осуждения служит, во-первых, отрицательный характер последствий, вызываемых данными действиями, и, во-вторых, то обстоятельство, что, действуя, лицо знало или должно было знать, к каким последствиям может привести его поведение, каково значение этих последствий и какую общественную оценку заслуживает его поведение.

Вина является, следовательно, не только психическим, но и определенным общественным явлением. Она наполнена общественным содержанием. В вине проявляется отрицательное или пренебрежительное отношение к обществу, его интересам, к интересам его отдельных членов. Объявляя при этих условиях лицо виновным, советский закон вместе с тем осуждает его поведение как несовместимое с теми требованиями, которые наше государство предъявляет к своим гражданам. При этом советский закон исходит не только из оценки наступившего нежелательного результата, но и из того, что сам правонарушитель понимал или мог понимать, мог осознавать и отдавать себе отчет в том, что его поведение заслуживает общественного осуждения, общественного порицания. На этой основе и суд, рассматривающий конкретное дело, в своем решении, вынесенном против правонарушителя, осуждает от имени государства поведение правонарушителя как запрещаемое и осуждаемое советским законом.

На этом, собственно, и зиждется привлечение правонарушителя к гражданской ответственности. Возмещению

подлежит не всякий вообще причиненный вред, а только такой, который наступил по вине причинителя. Возмещение причиненного вреда составляет лишь одну из задач института гражданской ответственности. Не менее, если не более важная задача, выполняемая этим институтом, состоит в воспитании советских граждан «... в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития» (ст. 3 закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик). В своей воспитательной функции институт гражданской ответственности и должен быть обращен в первую очередь против лиц, виновно совершающих правонарушения, лиц, которые, действуя, знают или, при данных обстоятельствах, могут знать, какие последствия способны вызвать их действия, но, тем не менее, пренебрегая своим долгом и общественными интересами, не считают нужным отказаться от совершения подобных действий. Значение вины как одного из условий гражданской ответственности состоит также и в том, что благодаря этому каждый советский гражданин может уверенно в любой области общественно-полезной деятельности развивать свою активность должным образом, не опасаясь привлечения к ответственности за всякого рода случайности, не рискуя нести бремя тех последствий, предвидеть наступление которых он не мог бы при самой высокой бдительности с его стороны.

Вот почему и наш закон, и судебная практика настойчиво проводят в жизнь принцип ответственности за вину, решительно пресекая всякие попытки возложения обязанности по возмещению вреда на лицо, которое не было виновным в его наступлении. Показательным в этом отношении является определение по делу гр-ки Б., вынесенное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР. Уходя вечером из дома, гр-ка Б. оставила своего двухлетнего мальчика на попечение бабушки, которая, разговаривая с соседями, не обрати-

ла внимания на то, что ребенок просил пить. Мальчик зашел в кухню и выпил стоявшую на столе каустическую соду, приготовленную для стирки белья гр-кой И., которая в это время ушла из кухни в комнату на крик своего ребенка. Верховный Суд СССР указал, оценив обстоятельства дела, что «...И. не могла предвидеть, что двухлетний сын Б. в вечернее время войдет в кухню и выпьет стоявшую на столе каустическую соду... При указанных обстоятельствах надлежит признать, что имел место случай, за который И. не может нести ответственности, так как в действиях ее отсутствует не только уголовная, но и гражданская вина».

Суд не может, следовательно, решая вопрос о гражданской ответственности, ограничиться установлением лишь того факта, что вред был обусловлен действием или бездействием ответчика. Необходимо проверить также, мог ли ответчик предвидеть наступление вредных последствий, и лишь в случае положительного ответа на этот вопрос его следует признать виновным, а потому и обязанным возместить причиненный вред.

Вина в гражданском правонарушении выражается либо в форме умысла, либо в форме неосторожности.

Вопрос о вине причинителя, когда она носит умышленный характер, при наличии всех необходимых доказательств по делу, решается сравнительно просто и особых затруднений не вызывает. Умысел заключает в себе намерение причинить вред, причем иногда самое наступление вреда составляет цель правонарушения, а в некоторых случаях оно представляет собой лишь одно из звеньев в общей цепи фактов, приведших к достижению какой-то другой, обычно также противоправной цели. Убийство может быть совершено из мести, но оно может быть совершено в результате поджога дома, где находился потерпевший, хотя поджог был совершен не для убийства, а с целью получения страхового возмещения. В первом случае говорят, что умысел является прямым, ибо самая цель состояла в причинении смерти: лицо не только знало, что результат должен наступить, но и желало его наступления. Во втором случае говорят, что

умысел является косвенным, ибо убийство не составляло цели преступления, а являлось лишь тем звеном в общей цепи событий, к которому преступник не стремился, но которое он допускал, преследуя иную цель — получение страхового возмещения: лицо знало, что результат может наступить, но, не желая этого прямо, относилось безразлично к возможности его наступления.

Необходимо, однако, отметить, что деление видов умысла на прямой и косвенный практически имеет значение для уголовного права, где различие между ними влечет за собой иногда не только иную квалификацию преступления, но и применение иной меры наказания к преступнику. Для уголовного права это различие важно еще и потому, что оно помогает в необходимых случаях провести четкую грань между умыслом и неосторожностью. Если лицо не желало наступления результата, но относилось к нему безразлично, оно действовало умышленно. Если же лицо не желало наступления результата и легкомысленно надеялось его предотвратить, оно действовало неосторожно. Неосторожность также влечет за собой и иную уголовно-правовую квалификацию деяния и применение иных мер наказания к преступнику. Поэтому смешение умысла и неосторожности в практике разрешения уголовных дел могло бы повлечь за собой серьезные ошибки в выводах суда.

В гражданском праве такой опасности нет. Лицо, виновно причинившее вред, обязано возместить его в полном объеме, — все равно, действовало ли оно умышленно или неосторожно. Поэтому практически нет необходимости устанавливать, является ли умысел прямым или косвенным. Достаточно установить, что причинитель действовал умышленно, чтобы решить положительно вопрос о привлечении его к ответственности. Что же касается гражданско-правовой квалификации его поведения, то она будет одной и той же: причинитель должен нести ответственность по ст. 403 ГК. Не изменится также и объем его ответственности: он должен, согласно ст. 410 ГК, полностью возместить причиненный им ущерб.

Умышленное причинение вреда является обычно не только гражданским правонарушением, но и образует в то же время состав уголовно-наказуемого деяния. В самом деле, вред выражается в повреждении имущества, либо в причинении увечья и смерти. Но все эти действия, в том числе умышленное истребление или повреждение имущества граждан (ст. 175 УК), а также его присвоение или растрата (ст. 168 УК), предусмотрены действующим уголовно-правовым законодательством. Поэтому судебная практика по гражданским делам почти не встречается с исками о возмещении вреда, причиненного умышленно. Это бывает лишь в случаях, когда потерпевший по каким-либо причинам не предъявил гражданского иска в уголовном процессе, или когда уголовное преследование не возбуждается, ввиду малозначительности действий и наступивших последствий или иных указанных в законе оснований. Круг таких дел весьма ограничен, а потому и умысел как форма виновности едва ли имеет серьезное практическое значение для применения норм о гражданской ответственности по обязательствам из причинения вреда в делах, рассматриваемых помимо и независимо от дел о привлечении причинителя к уголовной ответственности.

Подавляющая масса гражданских дел, связанных с обязательствами по возмещению вреда, обычно сопряжена с неосторожной виной правонарушителя, которая далеко не всегда является достаточной для привлечения к уголовной ответственности. Например, неосторожное повреждение имущества граждан вообще ненаказуемо в уголовном порядке. Но и тогда, когда преступление само по себе может быть совершено по неосторожности, сохраняется все же различие между неосторожностью, необходимой для уголовной и достаточной для гражданской ответственности. В судебной практике нередко встречаются дела, когда отсутствуют основания для возбуждения уголовного преследования, но тем не менее потерпевшему предоставляется право на предъявление к причинителю гражданского иска о возмещении вреда. Еще в 1925 г. ГКК Верховного Суда РСФСР в одном из своих определений указывала, что «оправда-

ние в уголовном порядке заведующего тепловозным депо... не лишало гражданский суд права проверки обстоятельств, сопровождавших несчастный случай». ¹ В разъяснении Пленума Верховного Суда РСФСР, относящемся к 1924 г., говорится, что в ст. 413 ГК «преступное действие или „бездействие“ понимается в широком смысле несоблюдения мер предосторожности... безразлично, был ли вопрос на рассмотрении уголовного суда или нет...». ² Аналогичное указание воспроизведено и в ст. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.

Различие между неосторожной виной в уголовном и гражданском праве, а также то обстоятельство, что подавляющее большинство гражданских дел по возмещению вреда связано с неосторожной виной правонарушителя, обуславливает необходимость в специальной характеристике этого вида виновности.

Неосторожность как вид гражданской вины характеризуется тем, что лицом не были соблюдены все необходимые меры предусмотрительности в процессе осуществления им определенной деятельности. Например, гр-н К. предъявил иск к промысловой артели о возврате ему часов, сданных артели в ремонт. Народный суд г. Тулы в иске отказал, ввиду того что часы вместе с другим имуществом похищены из мастерской артели во время вражеского обстрела г. Тулы в декабре 1941 г. Верховный Суд отменил это решение, указав, что артель не приняла всех необходимых мер, хотя «могла и была обязана» «сохранить вверенное ей имущество от гибели и пропажи во время обстрела». ³

Объем требований предусмотрительности, соблюсти которые было обязано лицо, привлекаемое к ответственности, определяется судом на основе трех критериев.

¹ См. текст этого определения у Л. Майданик. Регрессные иски профсоюзов и иски потерпевших к предприятиям, 1946, стр. 88.

² Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1932, стр. 111.

³ См. Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 10 декабря 1942 г.

Он определяется, прежде всего, самим характером деятельности, в результате осуществления которой был причинен вред. Совершенно очевидно, например, что к использованию средств автотранспорта предъявляются совершенно иные требования и по объему и по их характеру, нежели к использованию средств гужевого транспорта. Различен также объем и характер требований, предъявляемых, например, к деятельности врача и к работе медицинской сестры.

Он определяется, далее, конкретной объективной обстановкой, в условиях которой соответствующее действие было совершено. Так, по делу Г., неосторожность которого народный суд усмотрел в том, что он сел в автомобиль с пьяным шофером, Верховный Суд указал: «...Прежде всего, неизвестно, знал ли Г. о том, что шофер пьян, и, наконец, если он даже знал об этом, мог ли он не воспользоваться автомобилем, находясь на расстоянии нескольких десятков километров от города». Верховный Суд не признал Г. виновным, учитывая также и объективную обстановку, в которой он действовал: тот факт, что Г. находился на расстоянии нескольких десятков километров от города и потому не мог не воспользоваться автомашиной, хотя бы он и знал, что ее ведет пьяный шофер.

Наконец, объем требований предусмотрительности определяется также и личными качествами лица, действиями которого был причинен вред. Социалистический принцип «от каждого по его способностям» имеет важное значение и для решения вопроса о наличии гражданской вины. Необходимо лишь правильно пользоваться этим принципом, имея в виду специфику отношений, к которым он здесь применяется, ибо в данном случае речь идет не об оплате труда по его количеству и качеству, а о требованиях предусмотрительности и предосторожности, соблюдать которые обязаны советские граждане. Поэтому было бы ошибочно думать, что допустимо снижать объем требований, предъявляемых к нашим гражданам, ориентируясь на отсталость и косность, сохраняющуюся в отдельных случаях. Те общие требования, которые закон предъявляет к лицам, осуществляю-

щим определенную деятельность в данной конкретной обстановке, вполне могут быть соблюдены ими. Но вполне возможно, что данное конкретное лицо, обладая большим опытом и высокой квалифицированностью, могло бы соблюсти и гораздо более высокие требования. Если эти повышенные требования им не были соблюдены, то, хотя бы он и не нарушил общих, средних требований предусмотрительности, обычно предъявляемых в подобных случаях, его следует признать виновным. В отдельных, исключительных случаях, когда лицо, в силу своей неподготовленности, не могло соблюсти даже указанных общих требований, если самую эту неподготовленность нельзя поставить ему в вину, речь может идти об освобождении от ответственности.

Таким образом, в гражданском праве для решения вопроса о наличии неосторожной вины используются как объективный (характер деятельности, конкретная обстановка), так и субъективный (особенности данной личности) критерии оценки поведения. Те же критерии используются и в уголовном праве для выявления неосторожности в поведении преступника. Но в уголовном праве, где ставится вопрос о применении наказания, решающее значение имеет субъективный критерий, тогда как для гражданского права более важным является критерий объективный, ибо здесь ставится вопрос не о наказании, а о возмещении ущерба. Поэтому и встречаются случаи, когда имеется вина, необходимая для привлечения к гражданской ответственности, но в то же время недостаточная для привлечения к ответственности уголовной.

Так, например, по делу Р. Верховный Суд указал в своем определении, что, хотя обвиняемый относился к надзору за лошадью небрежно и это повлекло ее гибель, тем не менее виновность Р. не достигла той степени, которая могла бы быть положена в основание привлечения его к ответственности уголовной.

Но по обстоятельствам дела допущенную Р. вину можно признать вполне достаточной для возложения на него обязанности возместить стоимость лошади в гражданско-правовом порядке.

Неосторожная вина в гражданском праве может выступать в форме простой и в форме грубой неосторожности. Различие между ними определяется различным характером требований, которые были нарушены. В общем виде можно сказать, что если лицо не соблюдает тех высоких требований, которые к нему предъявляются как к определенной индивидуальности, осуществляющей определенный вид деятельности в данных конкретных условиях, — это лицо допускает неосторожность. Если же лицо не соблюдает не только этих высоких, но и минимальных требований предусмотрительности, понятных каждому, оно допускает уже грубую неосторожность. Допущена ли правонарушителем грубая или простая неосторожность, — это зависит от конкретных обстоятельств дела и может быть установлено лишь на основе их детального изучения и оценки в каждом отдельном случае. Так, например, нарушение железнодорожных правил, выразившееся в том, что Н. переходил полотно дороги в недозволенном месте, суд квалифицировал как простую неосторожность,¹ а езда по полотну железной дороги верхом на лошади была признана грубой неосторожностью.²

Мы остановились на различии между грубой и простой неосторожностью не потому, что оно имеет значение для привлечения к ответственности лица, причинившего вред. Указанное различие, как мы увидим впоследствии, важно для оценки поведения не причинителя, а потерпевшего, который тоже может быть виновным в наступлении вредных последствий, а это влечет за собой либо сужение объема ответственности причинителя, либо даже освобождение его от ответственности вообще. Поэтому в дальнейшем изложении нам придется вновь возвратиться к понятиям грубой и простой неосторожности, общее определение которых было целесообразно сформулировать уже сейчас, в связи с рассмотрением вопроса о гражданской вине. Что же касается причинителя, то

¹ См. изложение этого дела: Е. Н. Данилова, Обеспечение увечных. 1927, стр. 102.

² Там же, стр. 119.

для привлечения его к гражданской ответственности достаточно вины любой степени — не только умысла или грубой, но и простой неосторожности.

§ 4. Законодательное регулирование условий ответственности за причинение вреда

Описанные условия, при наличии которых возникает ответственность за причинение вреда, предусмотрены ст. 403 ГК РСФСР. Ст. 403 является общей нормой нашего права, определяющей ответственность за причиненный вред, в каких бы конкретных формах последний ни выразился и при каких бы конкретных обстоятельствах он ни наступил.

В ст. 403 ГК говорится, что ответственность возникает лишь в результате причинения вреда, т. е. за вред, находящийся в причинной связи с поведением лица, привлекаемого к ответственности. Но и при этом условии ответственность все же не наступает, если причинитель «был уполномочен на причинение вреда». Следовательно, для ответственности за причинение вреда необходимо, чтобы он не был обусловлен осуществлением права, т. е. чтобы вызвавшее его поведение носило неправомерный, противоправный характер. Наконец, ст. 403 ГК освобождает причинителя от ответственности также и тогда, когда будет доказано, что «он не мог предотвратить вреда». «Не мог предотвратить» — это означает в данном случае, что он не мог и не должен был предвидеть наступление вреда, что вред возник помимо его вины. Значит, для ответственности по ст. 403 ГК необходима вина причинителя.

Лишь при доказанности всех этих трех элементов — противоправности, причинной связи и вины — суд вправе возложить обязанность по возмещению вреда на привлеченное к ответственности лицо. При этом для обоснования своего требования потерпевший обязан представить доказательства только того факта, что вред был причинен ответчиком, но он не должен доказывать виновность последнего. Идя навстречу интересам лиц, которым был

причинен ущерб, и ставя под особую защиту эти интересы, советский закон устанавливает презумпцию вины причинителя, т. е. наш закон исходит из того, что причинитель предполагается виновным до тех пор, пока не будет доказано противное. Это, разумеется, не означает, что в ходе рассмотрения дела суд может пассивно выжидать, пока ответчик докажет свою невиновность, и взыскать с него возмещение, если представить соответствующие доказательства ему не удастся. Советский суд активен. Закон (ст. 5 ГПК) возлагает на него прямую обязанность принять все меры к выяснению действительных взаимоотношений сторон, оказать активное содействие обращающимся к суду гражданам и организациям в ограждении их прав и законных интересов. Презумпция виновности причинителя помогает суду в этом деле. Она принуждает причинителя-ответчика по делу проявить максимум активности в доказывании своей невиновности путем всестороннего освещения всех обстоятельств и условий, при которых вред был причинен. Таковую же активность должен проявить и истец, доказывая факт причинения ему вреда ответчиком. Активность сторон в процессе вместе с активностью советского суда способствует выявлению материальной истины по делу, лежащей в основе наших судебных решений.

Определяя лицо, которое должно нести ответственность перед потерпевшим, ст. 403 ГК указывает, что таким лицом является «причинивший вред». Нередко это указание ст. 403 понимается неправильно. Иногда ошибочно считают, что по ст. 403 ГК может нести ответственность только гражданин. Что же касается социалистических организаций, то иногда думают, что их ответственность определяется либо ст. 404 ГК, где говорится о предприятиях, либо ст. 407 ГК, где говорится об учреждениях.

Такое мнение является сугубо ошибочным. Оно может повлечь на практике необоснованное привлечение к ответственности юридических лиц или, наоборот, неосновательное освобождение их от ответственности. Ст.ст. 404 и 407 ГК предусматривают особые случаи ответственности за причинение вреда, на которых мы спе-

циально остановимся в следующей главе. Общие условия ответственности за причинение вреда определены ст. 403 ГК, которая применяется в равной мере как к гражданам, так и к юридическим лицам.

Деятельность юридических лиц выражается в деятельности руководителей, рабочих и служащих государственных органов, в деятельности членов и органов кооперативно-колхозных и общественных организаций. Деятельность этих работников¹ является деятельностью самого юридического лица. Поэтому и вред, вызванный этой деятельностью, считается причиненным самим юридическим лицом.

Для ответственности юридических лиц по ст. 403 ГК необходимо, чтобы наступивший вред находился в причинной связи с действиями работника юридического лица и чтобы последние были виновными и противоправными по своему характеру. Необходимо, следовательно, чтобы те условия ответственности, которые общим образом предусмотрены ст. 403 ГК, были объединены в поведении работника юридического лица.

Однако не всякое действие работника, хотя бы оно было виновным, противоправным и причинившим вред, можно рассматривать как действие юридического лица. Четыре гуртовщика одной из контор «Заготскот» перегоняли по ее поручению скот из Новгорода в Ленинград. Во время перегона один из гуртовщиков в целях завладения деньгами, находившимися у другого гуртовщика, совершил нападение на последнего и причинил ему увечье. Хотя противоправное виновное действие, причинившее увечье, и было совершено нападавшим во время выполнения порученной ему работы (во время перегона скота), совершенно очевидно, что это действие нельзя рассматривать как действие самого юридического лица, поскольку в нем не выражается деятельность данного юридического лица.

¹ В дальнейшем под работником понимаются органы юридических лиц, а также рабочие и служащие государственных предприятий и учреждений и члены кооперативно-колхозных и иных общественных организаций.

Итак, для ответственности юридических лиц по ст. 403 ГК, помимо общих условий, предусмотренных этой статьей, необходимо также, чтобы виновное противоправное действие работника, причинившего вред, выражало собой деятельность данного юридического лица и могло быть совершено только в связи с этой деятельностью. В противном случае к ответственности привлекается не юридическое лицо, а конкретный виновник причинения вреда.

В судебной практике последних лет все чаще начинают встречаться дела о возмещении вреда, который наступил при условиях, вовсе не предусмотренных ст. 403 ГК РСФСР, и был понесен потерпевшим не в силу каких-либо направленных против него виновных неправомерных действий, а вследствие совершения самим потерпевшим действий, свидетельствующих о глубоком осознании им своего долга перед Родиной, перед советским обществом, перед нашим социалистическим государством. В нашей стране, в стране победившего социализма и строящегося коммунизма, интересы граждан «...все больше связываются, и притом вполне сознательно, с интересами социалистического государства. А благодаря этому растет и чувство патриотизма к социалистической родине, которое проявляется в самых различных формах».¹

Одна из многочисленных форм проявления советского патриотизма может быть проиллюстрирована и на примере некоторых дел о возмещении вреда, имевших место в практике наших судебных органов за последние годы.

Еще в 1940 г. Верховным Судом было рассмотрено дело по иску гр-на Марцинюк, который потерпел увечье, спасая от огня государственное имущество, расположенное на одной из железнодорожных станций на пути следования поезда, в котором ехал Марцинюк.

Аналогичное дело прошло через Верховный Суд в 1949 г. Обстоятельства этого дела сводились к тому, что на одном из стадионов общества «Динамо» возник по-

¹ М. И. Калинин. Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств. «Известия», 10 июня 1939 г.

жар, и огнем охватило склады с имуществом общества. Усилиями пожарной охраны пожар ликвидировать не удалось, и администрация стадиона обратилась к гражданам, проживавшим в соседних домах, с призывом оказать помощь в борьбе с огнем. На этот призыв откликнулся гр-н Бычков, который, приняв участие в тушении пожара, погиб, когда, рискуя своей жизнью, спасал общественное имущество от уничтожения. В связи с этим жена погибшего Бычкова-Гончаренко предъявила иск о возмещении содержания, утраченного ею и детьми вследствие гибели Бычкова.

В обоих приведенных делах нет ни одного из условий, которые, в соответствии со ст. 403 ГК, необходимы для возникновения обязательства по возмещению причиненного вреда, ибо никто по отношению к потерпевшим не совершал тех виновных противоправных действий, которые должны явиться причиной наступления вредных последствий, для того чтобы можно было ставить вопрос о возложении на кого-либо гражданской ответственности. И тем не менее едва ли может возникнуть сомнение в том, что в обоих приведенных делах требования потерпевших подлежат удовлетворению. Так именно и разрешил эти дела Верховный Суд.

«Хотя раздел XIII Гражданского Кодекса об обязательствах по возмещению вреда, — говорится в определении по делу Марцинюк, — не предусматривает прямо ответственности в таких случаях предприятия, однако отказ в иске Марцинюку по этому формальному основанию является неправильным. Марцинюк действовал в данном случае не в личных интересах, а в интересах охраны государственной социалистической собственности, обязанность беречь и укреплять которую составляет долг каждого гражданина согласно ст. 131 Конституции СССР. Поэтому суд должен был, руководствуясь ст. 4 Гражданского процессуального кодекса, возложить на железную дорогу, в целях охраны имущества которой действовал Марцинюк, обязанность возместить Марцинюку понесенный им личный имущественный вред». Те же принципиальные установки положены в основу определения Верховного Суда по делу Бычкова.

К сожалению, однако, несмотря на совершенно ясную и определенную позицию, которую в разрешении этих дел занял Верховный Суд, иногда еще встречается чисто формальный подход к искам, предъявляемым по таким же или аналогичным основаниям. По одному из дел суд отказал в иске о возмещении вреда на том основании, что хотя вред и был причинен истце лицом, которому она воспрепятствовала похитить государственное имущество, тем не менее организация, обладавшая этим имуществом, никаких виновных действий, способствовавших причинению увечья, не совершила, — и потому, по мнению суда, не должна возмещать причиненного вреда.

Формальный подход к разрешению этого дела проявился в том, что, несмотря на его особенности, суд пытался разрешить его на основе общих правил ст. 403 ГК. Между тем, подобного рода случаи не только не подпадают под это правило, но и вообще не предусмотрены действующим законом об обязательствах по возмещению вреда. Поэтому, вплоть до урегулирования этого вопроса в законодательном порядке, необходимо при разрешении аналогичных дел исходить не из ст. 403, а из принципов аналогии в советском гражданском праве и руководствоваться ст. 131 Сталинской Конституции и ст. 4 ГПК РСФСР. В качестве условий возникновения обязанности по возмещению наступившего вреда здесь выступают не противоправность, вина и причинная связь, как это имеет место в обычных делах по обязательствам из причинения вреда, а наступление вредных последствий для лица, которое, выполняя свою конституционную обязанность, принимает меры по спасению социалистического имущества от угрожающей ему опасности. Это лицо (а в соответствующих случаях его иждивенцы) имеет право на возмещение понесенного им вреда. Возместить же понесенный им вред должна та организация, которой принадлежало спасенное имущество.

Глава III

УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ВИДАМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

§ 1. Ответственность за деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих

Ст. 404 ГК РСФСР устанавливает особые правила ответственности за вред, причиненный деятельностью, которая представляет повышенную опасность для окружающих. Особенность этих правил в сравнении с правилами ст. 403 ГК состоит в том, что для ответственности за причиненный вред здесь достаточно всего лишь двух условий: необходимо, чтобы действие, причинившее вред, было противоправным и чтобы между этим действием и наступившими последствиями имелась причинная связь. Наличия вины для привлечения к ответственности не требуется: лицо, осуществляющее деятельность, которая связана с повышенной опасностью для окружающих, отвечает и при отсутствии вины.

Различие между правилами ст. 403 ГК и 404 ГК выявляется при сопоставлении текстов обеих статей. В ст. 403 ГК указывается, что причинитель освобождается от ответственности, если будет доказано, что «он не мог предотвратить вреда», т. е. был невиновен. В ст. 404 ГК этот момент в общем перечне обстоятельств,

исключающих ответственность, не упоминается. Следовательно, и при отсутствии вины ответственность по ст. 404 ГК должна тем не менее наступить.

В силу такого весьма существенного различия между ст. 403 и ст. 404 ГК, очень важно знать, когда, в каких случаях подлежит применению каждая из этих статей. Ошибки, допускаемые в их применении, состоят в том, что иногда полагают, будто бы ст. 403 ГК регулирует ответственность граждан, а ст. 404 — ответственность юридических лиц. Но мы уже видели, что по ст. 403 ГК могут отвечать как граждане, так и юридические лица. Необходимо теперь то же самое повторить и в отношении ст. 404 ГК: по ней также могут нести ответственность как граждане, так и юридические лица. Ст. 404 ГК устанавливает особые правила ответственности не для юридических лиц, а для определенного вида деятельности, хотя бы ее и осуществляли граждане. Такой деятельностью является деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих.

Что же следует понимать под повышенной опасностью? В тексте ст. 404 ГК перечисляются объекты, в связи с которыми деятельность приобретает повышенную опасность. К числу таких объектов относятся: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, дикие животные, горючие материалы, возводимые строения и сооружения и т. д. Этот перечень отнюдь не является исчерпывающим. Он носит примерный характер. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что такие объекты, как автомашины, безусловно относящиеся к числу источников повышенной опасности, в приведенный перечень не включены.

Примерный характер перечня источников повышенной опасности, который иным быть и не может, приводит к тому, что иногда деятельность, не представляющая повышенной опасности для окружающих, подводится под ст. 404 ГК. По одному из дел, например, суд вынес решение об ответственности по ст. 404 ГК за вред, причиненный прачке детских яслей иголкой, которая находилась в стиранном ею белье и не была предварительно

изъята. Разумеется, ни детские ясли, ни стирку белья, если она не осуществляется механизированным способом, источником повышенной опасности признать нельзя. В связи с этим необходимо дать общий критерий, при помощи которого можно было бы в каждом встречающемся на практике деле решить, является ли данный вид деятельности источником повышенной опасности для окружающих.

Такой критерий нетрудно установить на основе анализа характера объектов, перечисленных в ст. 404 ГК. Особенность всех этих объектов состоит в том, что они могут быть использованы лишь с применением специальных мер по технике безопасности, хотя бы последние и состояли только в предварительном инструктировании лиц, осуществляющих эксплуатацию названных объектов. Причем один и тот же объект в одних случаях требует принятия такого рода мер, а в других случаях не требует. Все зависит не от самого объекта, а от характера его использования, ибо повышенную опасность представляет не «мертвый» объект, а связанная с ним деятельность. Поэтому даже при наличии перечисленных объектов ответственность за причиненный вред не всегда наступает по ст. 404 ГК. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 мая 1928 г.,¹ вынесенного в связи с предъявленным к железной дороге иском о возмещении стоимости имущества, сгоревшего от вылетевшей из паровозной трубы искры, говорится: «...Понятие источника повышенной опасности по отношению к железной дороге, конечно, имеет в виду железную дорогу в качестве средства передвижения, механической силы (например, в случае взрыва и т. д.), а не в смысле способа отопления паровоза, никакой повышенной опасности не представляющего».

В современных условиях, когда изобретены искроуловители, применяемые на железнодорожном транспорте, способ отопления паровоза тем более нельзя признать

¹ См. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. 1935, стр. 80.

источником повышенной опасности, что использование этого средства вообще исключает возможность причинения вреда в результате отопления. Вред может здесь быть причинен лишь вследствие того, что искроуловитель либо вообще не был установлен, либо страдал теми или иными дефектами, т. е. только вследствие виновных действий работников железнодорожного транспорта. Это означает, что не существует раз и навсегда данных объектов, использование которых представляет повышенную опасность для окружающих. По мере развития техники безопасности в нашей стране источники, вчера еще представлявшие повышенную опасность, сегодня превращаются в обычную деятельность, осуществление которой может привести к наступлению вредных последствий лишь в результате виновных действий соприкасающихся с нею лиц.

Итак, деятельность, представляющая повышенную опасность для окружающих, характеризуется тем, что она связана с применением специальных мер по технике безопасности, причем при современном уровне развития техники безопасности все же не исключается полностью случайная возможность причинения вреда, несмотря на все принятые меры. Именно это обстоятельство и учитывает советский закон, возлагающий на лиц, которыми такая деятельность осуществляется, обязанность возместить причиненный ими вред даже при их полной невиновности.

Гармоническое сочетание интересов личности и интересов коллектива в социалистическом обществе предопределяет правило ст. 404 ГК, которое, с одной стороны, допускает в интересах всего советского народа использование достижений современной техники, а с другой стороны, возлагает на использующих их лиц обязанность возмещать даже случайно причиняемый ими вред. Подлинная социалистическая гуманность нашего закона выражается в этом правиле с тем большей силой, что соответствующие объекты в интересах всего народа в своем подавляющем большинстве эксплуатируются государством и его органами, и в то же время государство берет на себя дополнитель-

ную обязанность по возмещению вреда даже тогда, когда он был причинен невиновно.

Ответственность по ст. 404 ГК является, таким образом, с точки зрения условий ее возникновения, гораздо более широкой, нежели ответственность по ст. 403 ГК. Но она отнюдь не является безграничной.

Ее ограничение состоит, прежде всего, в том, что наступивший вред должен находиться в причинной связи с деятельностью, представляющей повышенную опасность. Он должен быть причинен именно этой деятельностью. Верховный Суд РСФСР отклонил по этим основаниям иск пассажира к железной дороге о возмещении вреда, причиненного ему при ограблении поезда, поскольку самый вред здесь не был причинен железной дорогой.¹

Ее ограничение состоит также и в том, что, согласно прямому указанию ст. 404 ГК, ответственность владельца источника повышенной опасности исключается, если будет доказано, что вред причинен вследствие непреодолимой силы. Непреодолимой силой является такое чрезвычайное обстоятельство, которое непредотвратимо для данного лица всеми доступными для него средствами, хотя бы оно и знало о наступлении этого обстоятельства. Все зависит, следовательно, от конкретных условий данного случая и от характера наступившего обстоятельства. То, что «в данном месте является легко преодолимым, — указывает Верховный Суд РСФСР, — в другом может стать непреодолимым».² Даже такое стихийное бедствие, как засуха, непреодолимо для отдельного колхоза или совхоза, но вполне преодолимо для всего советского народа, который полностью избавит себя от угрозы засухи в результате проведения в жизнь Сталинского плана полезащитных лесонасаждений.

В судебной практике случаи причинения вреда вследствие непреодолимой силы встречаются крайне редко. Обычно они исчерпываются случаями стихийных бедствий. Поэтому устав железных дорог СССР вообще не

¹ См. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1932, стр. 101.

² См. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1935, стр. 55.

употребляет термина «непреодолимая сила» и прямо говорит о «явлениях стихийного характера» (ст.ст. 63, 64 и 68).

Ответственность за вред, причиненный деятельностью, которая представляет повышенную опасность для окружающих, несет владелец объектов повышенной опасности. Это может быть гражданин (например, владелец автомашины) или, чаще всего, юридическое лицо, когда вред причиняется действиями его работника, связанного непосредственно с соответствующим объектом. Иногда, однако, бывает так, что объект, использование которого представляет повышенную опасность, принадлежит одному лицу, а эксплуатируется другим лицом. Такие отношения могут, например, возникнуть при подрядных договорах, когда объект принадлежит заказчику, но связанную с ним деятельность осуществляет подрядчик. Верховный Суд РСФСР разъяснил, что в этих случаях оба лица — и владелец, и лицо, совершающее по договору с ним соответствующие действия, — несут солидарную ответственность перед потерпевшим. Это значит, что потерпевший вправе предъявить иск к каждому из них или одновременно к обоим указанным лицам о возмещении причиненного ему вреда полностью или в любой названной им части (ст.ст. 115, 408 ГК).

Это правило, однако, не распространяется на случаи, когда участие заказчика в договоре подряда не сопряжено с возложением на него каких-либо обязанностей по обеспечению производства подрядных работ необходимыми средствами безопасности. Если соответствующий объект впредь до окончания работ был передан в полное распоряжение подрядчика, которым он используется без привлечения работников организации-заказчика, то на него же, подрядчика, как на самостоятельную хозяйственную единицу, должна быть возложена также обязанность по обеспечению безопасности эксплуатации данного объекта, и потому только он и должен нести ответственность за все случаи причинения вреда, наступившие в результате его деятельности.¹

¹ См. определение ГСК Верховного Суда СССР по делу А. в Сборнике постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 г., стр. 184—185.

§ 2. Ответственность за вред, причиненный актами власти

По общим правилам ст. 403 ГК, как мы уже отмечали, несут ответственность за причиненный ими вред и граждане, и юридические лица. К числу же юридических лиц относятся не только предприятия и иные организации, но также и государственные учреждения, руководители которых обладают правами самостоятельного распоряжения кредитами, т. е. самостоятельного распоряжения денежными средствами, отпущенными по смете данному учреждению.

В деятельности учреждений различают два вида актов: акты власти и хозяйственно-технические операции.

В актах власти выражается функция управления, осуществляемая государственными учреждениями. Отличительная особенность этих актов состоит в том, что граждане и организации, в отношении которых они совершаются, должны подчиниться органам, издающим акты власти, и выполнить их распоряжения.¹ Когда, например, компетентный государственный орган производит реквизицию имущества у гражданина, согласия последнего на реквизицию не требуется. Он обязан выполнить соответствующее предписание и вправе лишь в установленный срок обжаловать решение данного органа, если он считает его неправильным.

Все иные действия, совершаемые государственными учреждениями, охватываются понятием хозяйственно-технических операций. При их совершении граждане и социалистические организации, с которыми государственное учреждение вступает в отношения, уже не подчинены последнему. Они находятся в равном положении с государственным учреждением и либо пользуются его услугами, либо сами оказывают услуги ему, либо, наконец, вообще не состоят в отношениях с учреждением, но терпят ущерб от действий его работников. Так, например,

¹ Подчинение может иметь место и при совершении хозяйственных операций, например, подчинение работника трудовой дисциплине. Однако здесь оно не связано с осуществлением функций государственного управления, а потому здесь и нет актов власти.

если Исполнительный комитет местного Совета привлекает рабочих для ремонта помещения или больница оказывает врачебную помощь больному, то в этих отношениях названные учреждения выступают не в качестве органов власти, а в качестве организаций, пользующихся услугами граждан или, наоборот, обслуживающих последних. Если автомашиной Управления милиции причиняется увечье пешеходу, то в этом случае вред возникает в результате совершения не акта власти, а хозяйственно-технической операции.

Различие между актами власти и хозяйственно-техническими операциями имеет огромное практическое значение для решения вопроса об ответственности государственных учреждений за причиненный ими вред.

Когда вред причиняется такими действиями работников государственных учреждений, которые относятся к разряду хозяйственно-технических операций, учреждения несут гражданскую ответственность на общих основаниях — либо по ст. 403, либо даже по ст. 404 ГК, если деятельность, причинившая вред, представляет повышенную опасность для окружающих.

Когда же вред причиняется действиями, которые являются актами власти, ответственность учреждений регулируется уже особыми правилами, предусмотренными ст. 407 ГК.

Специальные правила ответственности, установленные ст. 407 ГК, распространяются не на хозяйственно-технические операции, а только на акты власти, совершаемые должностными лицами государственных учреждений. Особенности правил ст. 407 ГК весьма значительны. В самом деле, по ст. 403 ГК юридическое лицо обычно отвечает за вред, причиненный неправомерными виновными действиями его работника, которым соответствующие действия были совершены в связи с деятельностью данного юридического лица. Ответственность последнего исключается только в случае отсутствия хотя бы одного из перечисленных условий. Для применения же ст. 407 ГК даже и этих условий недостаточно. Согласно ст. 407 ГК, учреждение не отвечает за вред, причиненный актами власти его должностных лиц даже при

наличии всех перечисленных в ст. 403 ГК условий, если отсутствуют специальные условия, предусмотренные в самой ст. 407. Как общее правило, потерпевший может предъявить иск о возмещении ущерба только к самому должностному лицу, явившемуся виновником его причинения. За акты власти его должностных лиц учреждение несет гражданскую ответственность и обязывается к возмещению вреда лишь в случаях, указанных в специальных законах.

Следовательно, для возложения ответственности на учреждение, когда вред причиняется актом власти, совершенным его должностным лицом, недостаточно установить противоправный характер этого акта, вину должностного лица и причинную связь между совершенным им действием и наступившим результатом. Необходимо также, чтобы имелся специальный закон, прямо предусматривающий ответственность учреждения за данное действие. К числу таких специальных законов относятся:

1) Сводный закон о реквизиции и конфискации имущества (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1927 г., СУ РСФСР 1928 г., № 38, ст. 248). Ст. 21 этого закона устанавливает, что лица, потерпевшие имущественный ущерб от незаконной реквизиции или конфискации, вправе требовать его возмещения с учреждения, должностными лицами которого соответствующие действия были совершены.

2) Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1928 г. об ответственности за убытки, причиненные незаконным вмешательством органов власти в деятельность кооперативных организаций (СУ РСФСР 1928 г., № 11, ст. 101). Об ответственности учреждений за указанные действия говорит ст. 4. этого постановления, требующая, чтобы при этом была установлена в уголовном или дисциплинарном порядке также и ответственность конкретных виновников.

3) Положение о государственных морских лоцманах (Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1934 г. СЗ СССР, 1934 г., № 53, ст. 410). Ст. 7 названного положения гласит: «За аварии, причиненные по вине го-

сударственных морских лоцманов, отвечает государство с тем, однако, что эта ответственность ограничивается размерами аварийного фонда по данному порту, образуемого из 10% отчислений от суммы лоцманского сбора».

4) Ст. 407-а ГК РСФСР возлагает на учреждение ответственность за такие действия его должностных лиц, в результате которых было повреждено или уничтожено, а также расхищено имущество потерпевшего, сданное в учреждение самим потерпевшим или в его пользу третьими лицами на основании требований закона, судебного решения, приговора или определения, а также на основании распоряжения должностного лица, сделанного им в силу закона или правил внутреннего распорядка государственного учреждения. Под ст. 407-а ГК РСФСР могут быть подведены самые разнообразные случаи. Так, «в соответствии со ст. 407-а ГК РСФСР органы рабоче-крестьянской милиции несут гражданскую ответственность во всех случаях, когда имущество было передано работнику милиции самим потерпевшим или было изъято у последнего или в каком-либо ином порядке поступило к работнику милиции в связи с исполнением им своих служебных обязанностей».¹

Помимо специального закона, прямо предусматривающего ответственность государственного учреждения, необходимо также, чтобы имелся целый ряд условий, лишь при наличии которых гражданская ответственность может возникнуть. Совокупность этих условий сводится к следующим трем группам.

Во-первых, необходимо, чтобы имелись общие условия, требуемые для возникновения гражданской ответственности, т. е. чтобы действия должностного лица были виновными и противоправными, а также чтобы они находились в причинной связи с наступившим результатом. В противном случае ответственность вообще не может наступить.

Во-вторых, необходимо, чтобы имелись специальные условия, требуемые для возникновения гражданской ответственности юридических лиц вообще, т. е. чтобы

¹ ГК РСФСР, 1948, стр. 253.

действия должностного лица либо прямо выражали деятельность юридического лица, либо были связаны с нею. В противном случае может идти речь об ответственности только конкретного виновника, а не юридического лица — государственного учреждения.

В-третьих, необходимо, чтобы имелись специальные условия, требуемые для возникновения гражданской ответственности государственных учреждений за акты власти, т. е. чтобы вред был причинен именно актом власти и чтобы потерпевший своевременно, в установленный в законе срок, обжаловал действия должностного лица перед подлежащими судебными или административными органами, а последние признали эти действия противоправными. В противном случае отвечает не учреждение, а само должностное лицо.

Следует заметить, однако, что обжалование действий должностного лица отдельно от предъявления иска о возмещении ущерба требуется далеко не во всех случаях, уже хотя бы потому, что в самом законе (ст. 407 ГК) говорится о возможности обжалования этих действий не только перед административными, но и перед судебными органами. Такой акт, как реквизиция или конфискация, должен быть отменен в административном порядке, прежде чем предъявляется иск о возмещении ущерба. Что же касается вреда, причиненного действиями лоцмана или предусмотренного ст. 407-а ГК, то здесь предъявление иска в суде является в то же время и жалобой на действия соответствующих должностных лиц.

При наличии всех этих условий учреждение обязано возместить вред потерпевшему, но в свою очередь оно вправе, согласно ст. 407 ГК, сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения.

§ 3. Ответственность за вред, причиненный недееспособными

Согласно действующему законодательству, полностью недееспособными являются дети в возрасте до 14 лет, а также лица, признанные в установленном порядке ду-

шевнобольными (ст.ст. 8, 9 ГК). Дееспособностью, как известно, называют способность лица самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, а также своими действиями приобретать права и обязанности для себя. Одним из элементов дееспособности является также способность нести ответственность за свои действия.

Недееспособные лица ответственности за свои действия нести не могут. За вред, причиненный их действиями, отвечают лица, обязанные осуществлять за ними надзор (ст. 405 ГК). К числу этих лиц относятся родители, опекуны, а также должностные лица учреждений, в которых воспитываются дети (школы, детские дома), или находятся на излечении душевнобольные (психиатрические больницы и пр.). Возложение ответственности за причиненный недееспособными вред на лиц, обязанных осуществлять за ними надзор, особенно на родителей, имеет огромное общественное значение как средство борьбы с детской безнадзорностью, на ликвидацию которой направлен ряд законодательных и иных мер, проводимых советским государством и большевистской партией. В то же время, возложение ответственности на указанных лиц является, по существу, единственно возможным средством, обеспечивающим интересы потерпевшего, поскольку сами недееспособные за причиненный ими вред ответственности нести не могут.

Но при всем значении гражданской ответственности лиц, обязанных осуществлять надзор за недееспособными, эта ответственность не может быть безграничной, не связанной ни с какими условиями. В законе (ст. 405 ГК) говорится, что речь идет об ответственности за вред, «**п р и ч и н е н н ы й**» недееспособными. Следовательно, между действиями недееспособного и наступившим результатом должна иметься причинная связь, а самое это действие должно носить противоправный характер. Как, однако, быть с виною как с одним из общих условий гражданской ответственности?

О вине самого недееспособного с юридической точки зрения не может быть и речи. Ведь соответствующие лица потому именно и признаются недееспособными, что они «не способны рассудительно вести свои

дела» (ст. 8 ГК) и, по предположению закона, не могут должным образом оценивать характер и значение совершаемых ими действий. Применение категории вины по отношению к душевнобольному вообще исключено. Можно еще говорить иногда о вине ребенка, но о его вине не в юридическом, а только в обыденном смысле этого слова.

Иногда говорят, что родители отвечают за самый факт причинения вреда их детьми, независимо от их вины, полагая при этом, что такие меры должны особо стимулировать родителей к осуществлению надзора за своими детьми. Но, во-первых, трудно понять, как можно и необходимо ли стимулировать к должному надзору родителей, если они невиновны и, значит, их нельзя упрекнуть в неисполнении родительских обязанностей. Во-вторых, установление ответственности родителей без вины привело бы к совершенно курьезному отождествлению детей с источниками повышенной опасности. В-третьих, рассуждения, применяемые к детям, уже вовсе неприменимы к другим недееспособным — душевнобольным, и потому получилось бы, что ответственность за действия детей была бы более широкой, нежели ответственность за действия душевнобольных.

Нет никаких оснований считать, что ответственность лиц, обязанных осуществлять надзор за недееспособными, наступает независимо от вины. Если закон связывает эту ответственность с определенной обязанностью — с обязанностью по осуществлению надзора, то и ответственность должна наступать лишь в случае виновного нарушения этой обязанности.

Таким образом, особенность ответственности за вред, причиненный недееспособными, по сравнению с общими условиями гражданской ответственности, состоит в том, что здесь вред причиняется одним лицом — недееспособным, а виновными в его причинении являются другие лица, обязанные осуществлять за ним надзор. Поэтому соответственно должны применяться и установленные в законе предпосылки об условиях возникновения обязательства по возмещению вреда.

Наш закон, как уже было сказано, исходит из пре-

зумпции виновности причинителя. Следовательно, в данном случае необходимо исходить из презумпции виновности лиц, обязанных осуществлять надзор за недееспособными, освобождая их от ответственности только в том случае, если будет положительно доказана их невиновность.

У недееспособного может быть несколько лиц, обязанных осуществлять за ним надзор, например, родители и школьный учитель. Кто же из них должен нести ответственность перед потерпевшим? Этот вопрос, правда, не всегда имеет практическое значение. Не вызывает, например, сомнений, что если ребенок причинил вред вне школы, последняя ответственности нести не может. Практически сомнения появляются тогда, когда вред причинен ребенком, находившимся в данное время под надзором не своих родителей, а других лиц, обязанных осуществлять за ним надзор. Можно ли в этих случаях привлечь к ответственности также и родителей?

На первый взгляд представляется, что если условием ответственности является вина в надзоре, то на этот вопрос следует ответить отрицательно: родители не осуществляли в данное время надзор, как же они могут быть признаны виновными? Но такой ответ не всегда будет правильным. Все зависит от того, какими именно действиями ребенка и в каких конкретных условиях вред был причинен. Если из обстоятельств дела видно, что при должном надзоре со стороны того лица, на котором лежала обязанность в данное время по наблюдению за ребенком, вред не был бы причинен, родители от ответственности освобождаются. Потерпевший предъявляет иск к тому учреждению (школе, больнице, детскому дому), под надзором которого недееспособный находился в момент причинения вреда, а последнее, возместив вред потерпевшему, со своей стороны может взыскать его компенсацию в порядке регрессного иска с работника, который виновен в конкретных упущениях в надзоре за недееспособным, приведших к причинению вреда.

Если же при всей предусмотрительности со стороны этих лиц вред все же был бы причинен, необходимо поставить и обсудить вопрос, не является ли поведение ре-

бенка результатом плохого воспитания со стороны родителей. Причем этот вопрос нужно решать вдумчиво и обстоятельно, выявив конкретные нарушения, допущенные родителями в выполнении обязанности по воспитанию своих детей. При положительном ответе на него обязанность по возмещению вреда следует возложить на родителей.

Вина родителей и иных лиц, обязанных осуществлять надзор за недееспособными, учитывается лишь в случаях ответственности за вред, причиненный последними. Иначе обстоит дело тогда, когда вред причиняется самому недееспособному. Если в поведении причинителя соединены все условия, необходимые для привлечения его к ответственности, то перед самим потерпевшим, перед недееспособным, он должен нести ответственность в полном объеме, независимо от вины других лиц.

Сталкиваясь со случаями, когда вред причиняется недееспособному также и по вине лиц, осуществляющих за ним надзор, суды иногда привлекают к гражданской ответственности перед недееспособным не только причинителя, но и этих лиц. Такой путь, получивший отражение в некоторых судебных решениях, следует признать вполне правильным. Благодаря этому, с одной стороны, полностью удовлетворяются интересы потерпевшего, так как он получает полное возмещение причиненного ему вреда, а с другой стороны, к ответственности за вредные последствия привлекаются все действительные виновники их наступления — не только причинитель, но и лица, виновные в неосуществлении должного надзора за недееспособным.

Противники подобного решения этого вопроса ссылаются обычно на то, что оно является нежизненным и неосуществимым в случаях, когда из лиц, обязанных к надзору за малолетними, виновными в причинении вреда являются родители, так как последние и без того обязаны содержать своих детей, и привлечение их к возмещению хотя бы части наступившего вреда ничего не добавляет к этой их основной родительской обязанности. Но, во-первых, это соображение не имеет никакого отношения к случаям причинения вреда и м у щ е с т в у малолетних.

восстановить которое обязаны также и их родители, если оно погибло по вине последних. Во-вторых, даже и в случаях причинения увечья малолетним, к которым, собственно, указанное соображение только и может иметь отношение, возложение ответственности на родителей, если они виновны в наступлении этих последствий, также не лишено смысла. Не следует забывать, что последствия причиненного увечья могут давать о себе знать и после достижения потерпевшим совершеннолетия, когда, как правило, алиментные обязанности родителей прекращаются. В этих условиях, несмотря на совершеннолетие, родители должны быть привлечены к алиментированию своих нетрудоспособных детей, помимо других оснований, еще и потому, что в свое время они своим виновным поведением способствовали причинению увечья.

От полностью недееспособных необходимо отличать лиц, обладающих частичной дееспособностью. Такими лицами являются подростки в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 9 ГК). Частичная дееспособность этих лиц проявляется, как известно, в том, что они вправе совершать сделки с согласия своих законных представителей (родителей, усыновителей или попечителей) и самостоятельно распоряжаться получаемой ими заработной платой. Их частичная дееспособность проявляется также и в том, что они несут ответственность за вред, причиненный их действиями другим лицам (ст. 9 ГК). Следовательно, если вред причиняется частично дееспособным (подростком в возрасте от 14 до 18 лет), потерпевший вправе предъявить иск к нему непосредственно. Но за вред, причиненный несовершеннолетними, согласно ст. 405 ГК, наряду с ними, несут также ответственность их родители или попечители. В этой части правило ст. 405 ГК отличается от устанавливаемого ею же правила об ответственности за вред, причиненный полностью недееспособными. Отличие состоит в том, что в случае причинения вреда частично недееспособными, во-первых, они сами привлекаются к ответственности, а во-вторых, наряду с ними несут ответственность не все лица, обязанные осуществлять за ними надзор, а только родители или попечители. Возложение такой обязанности на родителей и попечителей способст-

вует усилению надзора с их стороны за несовершеннолетними и, в то же время, служит обеспечению интересов потерпевшего.

В каком же объеме должны отвечать родители или попечители, привлеченные истцом наряду с несовершеннолетним?

Иногда считают, что родители или попечители отвечают лишь в части ущерба, возместить которую не может сам несовершеннолетний. Но такое мнение является неправильным, ибо закон (ст. 405 ГК) устанавливает, что они отвечают «наряду» с несовершеннолетними, т. е. солидарно с ними, а потому и требование к ним может быть предъявлено потерпевшим в любой части причиненного вреда или даже в полном объеме.

Некоторые авторы утверждают, будто бы ответственность родителей и попечителей установлена только в интересах потерпевшего, и потому приходят к выводу, что, возместив вред, родители или попечители вправе, в свою очередь, в порядке регрессного иска потребовать полной компенсации от своих несовершеннолетних детей. Но, не говоря уже о нежизненности этого взгляда, он и по существу неправилен, так как его авторы исходят из ошибочного предположения о том, что ответственность родителей и попечителей установлена только в интересах потерпевшего. В действительности же она установлена также и для того, чтобы стимулировать родителей к исполнению своих родительских обязанностей. С этой точки зрения следует привлекать всегда к ответственности как несовершеннолетних, так и их родителей или, в соответствующих случаях, попечителей, а в процессе исполнения судебного решения принимать меры к тому, чтобы обязанность возмещения фактически была возложена на всех привлеченных к ответственности. Это будет иметь большое воспитательное значение, а постановку и решение воспитательных задач советский суд должен иметь в виду при рассмотрении любого дела.

Однако в некоторых, исключительных случаях суд может поставить вопрос и о полном освобождении от ответственности родителей. Так, в определении по одному из дел, рассмотренному Верховным Судом СССР, говорится:

«. . . Возраст сына ответчиков к моменту причинения вреда был 17 лет 6 месяцев, он имел самостоятельный заработок, доходящий до 2 000 руб. в месяц, имел квалификацию часового мастера, работал в Комбинате точной механики, занимал отдельную комнату и был независим от родителей. При таких обстоятельствах по данному конкретному делу суду следовало обсудить вопрос, должны ли ответчики М. вообще нести ответственность за ущерб, причиненный их сыном. . .».

В том же определении содержится и еще одно очень важное указание Верховного Суда СССР. Оно касается тех случаев, когда вред причинен несколькими несовершеннолетними, и потому возникает вопрос, в какой мере должны отвечать родители каждого из них.

Чисто теоретический подход к решению этого вопроса может привести лишь к одному выводу: раз сами совместные причинители отвечают солидарно, то в таком же объеме должны отвечать и родители каждого из них, поскольку, согласно ст. 405 ГК, они несут ответственность наряду со своими несовершеннолетними детьми. Однако Верховный Суд, подойдя к вопросу практически, предложил иное его разрешение. В названном определении по этому поводу говорится: «По делу установлено, что ущерб в сумме 674 692 руб. причинен И., С., М. и М., с которых и присуждена указанная сумма по солидарной ответственности. При возложении солидарной ответственности на родителей М. суду следовало определить долю из общей суммы ущерба, за которую должны солидарно с М. — сыном отвечать его родители М., так как за действия остальных лиц ответчики М. солидарной ответственности не должны нести. . .».

Поскольку закон признает несовершеннолетних (в возрасте от 14 до 18 лет) способными самостоятельно нести ответственность за причиненный ими вред, он тем самым признает их также способными быть виновными в юридическом смысле слова. Поэтому, если вред причиняется частично дееспособному, должна быть учтена его собственная вина при возложении ответственности на причинителя и при определении размера его ответственности.

§ 4. Возложение по суду ответственности за вред в случаях, когда причинитель не обязан к его возмещению

Мы изложили содержание общих и специальных правил, в соответствии с которыми может возникнуть обязательство по возмещению причиненного вреда. Согласно этим правилам, такая обязанность может быть возложена на причинителя лишь при наличии определенных условий. Достаточно отсутствия хотя бы одного из них, как ответственность уже последовать не может.

Однако, в изъятие из этих правил, ст. 406 ГК предоставляет суду право в исключительных случаях возложить на причинителя обязанность по возмещению вреда, хотя бы при этом отсутствовало одно из условий, указанных в ст.ст. 403—405 ГК. Разумеется, вопрос о применении ст. 406 ГК не может возникнуть, если вред не находится в причинной связи с действиями данного лица, поскольку в самой ст. 406 ГК говорится о лице, причинившем вред. Практически речь могла бы идти только, по существу, о тех случаях, когда причинитель не виновен и потому нести ответственность не обязан. Суд тем не менее вправе возложить на него такую обязанность, руководствуясь при этом лишь одним критерием — имущественным положением причинителя и потерпевшего (ст. 406 ГК). При существенном различии в имущественном положении этих лиц, когда для причинителя возмещение вреда не является особо обременительным, а для потерпевшего вред представляется весьма ощутимым, допустимо применение ст. 406 ГК.

В судебной практике ст. 406 ГК почти не получает в настоящее время применения. И это вполне понятно. В условиях построения социализма, когда осуществлен принцип «от каждого по его способностям, каждому по его труду», в условиях постепенного перехода к коммунизму, когда материальный уровень жизни трудящихся повышается с каждым днем, едва ли может встретиться дело, в котором суду пришлось бы воспользоваться предоставленной ему возможностью, учитывая имущественное положение сторон, возложить обязанность возме-

ния вреда на ответчика, который по общим установленным в законе правилам нести такую обязанность не должен.

Но если бы в виде исключения суду пришлось бы встретиться с такого рода делом, он должен иметь в виду, что правило ст. 406 ГК применимо только к отношениям между гражданами или к отношениям, в которых причинителем вреда является гражданин. «Ст. 406 ГК, — указывает Верховный Суд РСФСР, — совершенно недопустимо применять к ответчикам-госорганам, т. к. государство, обеспечивающее трудящихся через специальные органы социального обеспечения, не должно быть привлекаемо в лице других своих органов к выполнению этой же функции в неорганизованном порядке. Применение же ст. 406 ГК к государственным органам-ответчикам означает сплошное возложение на государство ответственности за ущерб, так как государство всегда имущественно сильнее отдельных трудящихся».¹

¹ ГК РСФСР. 1950, стр. 252.

Глава IV

ОБЪЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Принцип полного возмещения

Причинение вреда может влечь за собой не только гражданско-правовые последствия. При определенных условиях на него реагирует также уголовно-правовое и административно-правовое законодательства. Но, независимо от этого, меры гражданской ответственности, даже в тех случаях, когда они применяются наряду с мерами, предусмотренными другими отраслями советского социалистического права, играют свою в высшей степени важную роль. Ибо, как правило, только тогда, когда меры, предусмотренные иными отраслями права, дополняются гражданско-правовыми мерами, интересы потерпевшего получают полное удовлетворение, поскольку лишь эти меры, обычно, обеспечивают возмещение имущественного ущерба, причиненного последнему.

Этим обуславливается особый порядок определения объема гражданской ответственности.

Когда назначается мера уголовного наказания, суд учитывает степень виновности, общественную опасность совершенного действия, характер вызванных им последствий, личность преступника и другие обстоятельства. На основе всех этих данных суд определяет меру наказания в соответствии с санкцией, установленной в норме уголовного закона. Например, ст. 175 УК РСФСР за умышленное истребление или повреждение имущества граждан предусматривает меру наказания в виде лишения свобо-

ды или исправительно-трудовых работ сроком до шести месяцев, либо в виде штрафа в размере 500 руб. Какая конкретная мера наказания в указанных ст. 175 УК пределах будет назначена судом — это зависит от всех обстоятельств данного дела, а не только от того, в каком размере был причинен ущерб преступником.

По-иному решается вопрос об объеме ответственности в гражданском праве. Для возникновения гражданской ответственности необходим целый ряд указанных в законе условий. Но если все эти условия налично, ни степень виновности причинителя, ни другие обстоятельства для определения объема ответственности, как правило, не учитываются. Объем ответственности определяется всецело и исключительно в соответствии с объемом причиненного вреда. Какую бы меру уголовного наказания, например, ни понесло бы лицо, умышленно истребившее или повредившее имущество гражданина, в гражданско-правовом порядке на него будет возложена обязанность полностью возместить причиненный им вред. Решение по гражданскому делу не изменится и в том случае, если вред причинен по неосторожности, когда причинитель к уголовной ответственности вообще не привлекается.

Это и называют принципом полного возмещения, сообразно с которым определяется объем ответственности в советском гражданском праве. Он сформулирован для ответственности за причинение вреда в ст. 410 ГК РСФСР, которая гласит: «Возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно — в возмещении причиненных убытков».

Таким образом, основной вид ответственности, согласно ст. 410 ГК, составляет восстановление самих поврежденных предметов («восстановление прежнего состояния»), и только в случаях невозможности применения этого вида ответственности допускается возложение на причинителя обязанности компенсировать вред потерпевшему («возмещение причиненных убытков»).

Однако на практике первый вид ответственности — возмещение в натуре — применяется очень редко, не

только потому, что чаще всего (например, в случае причинения увечья) такое возмещение невозможно, но и потому, что при широком развитии в нашей стране торгового снабжения необходимыми предметами для потерпевшего, как правило, более удобно получить денежную компенсацию, нежели предмет, восстановленный самим причинителем или представленный им взамен уничтоженного предмета. К возмещению в натуре иногда может прибегнуть сам причинитель, особенно когда в силу специального указания в законе он обязывается к денежному возмещению сверх действительной стоимости поврежденных им предметов. Таковы, например, случаи возмещения цены утраченных читателем библиотечных книг или цены спецодежды, бесплатно полученной рабочим на предприятии. Гораздо реже подобные требования заявляет потерпевший. Для некоторых отношений вообще установлена возможность получения только денежной компенсации. Например, «собственник имущества, проданного с торгов на законном основании, в случае последующего признания, что имущество подлежит возвращению, вправе требовать лишь денег, вырученных от продажи, но не возвращения самого имущества».¹

В виде общего правила следует признать, что и истцы в своих требованиях, и судебные органы в своих решениях ставят вопрос не о восстановлении поврежденных предметов в натуре, а о возмещении вызванных причинением вреда убытков. Следовательно, форма ответственности, установленная ст. 410 ГК в качестве вспомогательной, фактически приобрела основное значение в нашей судебной практике.

Что следует понимать под убытками? Определение этого понятия для гражданского права вообще содержится в ст. 117 ГК, в которой указывается, что убытки могут выступать в форме положительного ущерба в имуществе и упущенной выгоды, при-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 января 1931 г. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1935, стр. 79.

чем, согласно ст. 117, возмещению подлежат оба вида убытков.

Различие между названными видами убытков может быть показано на следующем примере. Повреждается машина, принадлежащая таксомоторному парку. Для устранения наступивших последствий машина должна быть отремонтирована. Стоимость ремонта составит положительный ущерб в имуществе.

Но в течение времени, необходимого для ремонта, машина не используется, тогда как в случае ее использования таксомоторный парк получил бы определенный доход. Неполученный доход составляет упущенную выгоду. Следовательно, положительный ущерб в имуществе всегда выражается в уменьшении имущества, принадлежащего потерпевшему. Под упущенной выгодой понимают результат, выражающийся в том, что потерпевший не увеличил своего имущества вследствие причинения ущерба, хотя и мог бы его увеличить на определенную сумму.

Необходимость возмещения положительного ущерба не вызывает сомнений. Гораздо более сложным является вопрос об упущенной выгоде. Следует отметить, что самый термин «упущенная выгода» явно устарел.

В случаях, когда вред причиняется социалистической организации, правильнее говорить о ее чистом доходе, запланированном, но неполученном в результате правонарушения. Но и в отношениях с гражданами и между гражданами этот устаревший термин не отражает существа дела. Едва ли целесообразно называть «упущенной выгодой» тот заработок, которого лишился гражданин вследствие причинения ему увечья. Едва ли этот термин применим и в отношении личной собственности граждан «...на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы личного потребления и удобства...» (ст. 10 Сталинской Конституции).

Но неудачный термин вовсе не должен порождать пренебрежительного отношения к возмещению соответствующей части убытков вообще. А. Я. Вышинский, отметив иногда встречающееся на практике отрицательное отношение к возмещению «упущенной выгоды», прямо

указывает, что оно является нарушением действующего советского закона.¹

В то же время необходимо с особой тщательностью и осторожностью подходить к решению этого вопроса.

Для некоторых отношений возмещение «упущенной выгоды» исключено законом. Согласно ст. 83⁶ КЗОТ, в случае, когда ущерб причиняет рабочий на предприятии, «упущенная выгода» вообще не учитывается. Едва ли практически может возникнуть вопрос о возмещении «упущенной выгоды» гражданину, в случае причинения вреда его имуществу, так как главным источником доходов советских граждан является их труд в социалистической системе хозяйства. Когда же имущественный вред причиняется социалистическим организациям, то, определяя объем возмещения, суд должен исходить не просто из размера запланированного дохода, а из того, какой действительно доход мог быть получен, «...не переходя в область гаданий...».²

Таковы пределы ответственности за причиненный вред, установленные действующим законом. Из этих общих правил имеются исключения двоякого рода.

Первая группа исключений устанавливает повышенную ответственность причинителя по сравнению с действительным размером причиненного им ущерба. Так, согласно ст. 23 Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. о мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах,³ правления колхозов и директора совхозов должны предъявлять к лицам, виновным в гибели лошадей, иски о взыскании убытков в размере трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам.

Но это правило распространяется лишь на случаи гибели лошадей, принадлежащих колхозам или совхозам, а не социалистическим организациям вообще. Отменяя судебное решение о взыскании с гр-на Г. трех-

¹ См. «Советская юстиция», 1937, № 4, стр. 13.

² Доклад ГКК РСФСР за 1925 г., Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1935, стр. 55.

³ «Правда», 1943, 13 мая.

кратной стоимости погибшей лошади, Верховный Суд указал в своем определении (№ 36/931), что, удовлетворяя иск, суд неправильно взыскал трехкратную стоимость лошади по заготовительным ценам, так как согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. в таком размере ущерб возмещается только при гибели лошадей, принадлежащих колхозам и совхозам, тогда как в данном случае лошадь принадлежала не колхозу или совхозу, а отделению Государственного банка.

Вторая группа исключений, установленных ст. 411 ГК, носит уже противоположный характер. «Определяя размер вознаграждения за вред, — указывает ст. 411 ГК. — суд во всех случаях должен принять во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего вред». С учетом этих обстоятельств суд может уменьшить объем возмещения, по сравнению с размером действительно причиненного ущерба. Но это правило в современных условиях — в условиях победы социализма и постепенного перехода к коммунизму — почти не имеет применения. Оно безусловно не должно применяться к отношениям между гражданами и социалистическими организациями (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.). Верховный Суд вновь напомнил об этом нашим судебным органам, специально указав, что ст. 411 ГК неприменима к делам о хищениях, недостачах и злоупотреблениях в государственных, кооперативных и общественных учреждениях, предприятиях и организациях.¹

§ 2. Объем ответственности при совместном причинении

Вред может быть причинен не одним лицом, а несколькими лицами совместно. Чаще всего это бывает при совместном совершении умышленных преступлений, например, хищений. Но совместное причинение вреда возможно также и при неосторожной вине причинителей, на-

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 ноября 1944 г. по делу Корчагиной.

пример, в случае непринятия мер по технике безопасности ответственными за ее обеспечение работниками, когда это влечет за собой причинение увечья или иного ущерба. При этих условиях возникает вопрос о том, кто и в каком объеме должен нести ответственность за наступивший результат. Для его правильного разрешения необходимо ясно представить себе, что следует понимать под совместным причинением вреда.

Вред считается причиненным совместно при наличии двух следующих условий.

Во-первых, необходимо, чтобы виновные действия двух или нескольких лиц находились в причинной связи с наступившими вредными последствиями. Верховный Суд не признал, например, Г., М., С. и П. совместными причинителями вреда, наряду с другими обвиняемыми по рассмотренному им уголовному делу, так как они привлекались к ответственности не за соучастие в хищении мануфактуры, а за покупку заведомо краденого, т. е. за самостоятельное преступление. «Поэтому, — указывает Верховный Суд, — они в силу ст. 14 УПК должны отвечать по гражданскому иску лишь в пределах ущерба, нанесенного потерпевшему их непосредственным преступлением, т. е. в пределах стоимости приобретенного ими краденого товара».¹

Во-вторых, необходимо, чтобы вред, вызванный совместными действиями двух или нескольких лиц, был нераздельным, представлял собою единое целое, а не простое механическое соединение в одну общую сумму последствий, вызванных самостоятельными действиями каждого из нескольких лиц, привлекаемых к ответственности. В определении по делу П. и других Верховный Суд прямо указывает, что солидарная ответственность за ущерб, причиненный хищениями нескольких лиц, наступает только в том случае, если действия этих лиц были объединены общим умыслом.

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 июля 1926 г. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. 1935, стр. 85.

Если же наступивший вред находится в причинной связи с действиями двух или нескольких лиц и представляет собою единое и нераздельное целое, то эти лица должны быть признаны совместными причинителями, а объем их ответственности определяется по правилам, установленным ст. 408 ГК.

«Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно» (ст. 408 ГК). Содержание понятия солидарной ответственности разъяснено в ст. 115 ГК, которая предоставляет кредитору по солидарному обязательству право требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от каждого из них в отдельности — полностью или в части долга. Применительно к обязательствам по возмещению вреда это означает, что потерпевший, которому вред был совместно причинен несколькими лицами, вправе предъявить требование о его полном или частичном возмещении всем им одновременно или любому из них в отдельности. Но солидарная ответственность, разумеется, не может служить способом для обогащения потерпевшего. Поэтому его право сохраняется лишь до тех пор, пока он не получит полного возмещения, — все равно, было ли оно произведено всеми причинителями по частям или одним из них в полном объеме. После получения потерпевшим полного возмещения его право погашается, и все причинители, независимо от их участия в возмещении вреда, освобождаются от каких бы то ни было обязанностей перед потерпевшим.

Но вслед за этим могут начаться расчеты между самими совместными причинителями. Обычно вопрос о таких расчетах возникает, когда один из причинителей предоставил потерпевшему полное возмещение и тем самым освободил от обязанностей перед последним других причинителей. В отношении такого рода расчетов ст. 115 ГК указывает, что «должник, исполнивший солидарное обязательство, имеет, поскольку иное не установлено законом или договором, право обратного требования к остальным должникам в равной доле». Ст. 115 ГК исходит, таким образом, из равенства долей в отношениях между солидарно обязанными должниками, не исключая, однако, возможности иного решения вопроса в законе или в дого-

воре. Следует прийти к выводу, что в солидарных обязательствах по возмещению вреда равенство долей при расчетах между совместными причинителями не всегда допустимо и приемлемо. Например, если собственник источника повышенной опасности передает его в пользование другому лицу, а последний, используя этот источник, причинит вред не случайно, а по своей вине, то перед потерпевшим, как уже было указано, оба они будут отвечать солидарно. Но нет никаких сомнений в том, что после возмещения вреда потерпевшему суд, учитывая виновность одного и полную невиновность другого из солидарно-обязанных лиц, переложит бремя возмещения целиком на виновное лицо. Если же виновными являются все совместные причинители, то и тогда суд вовсе не обязан устанавливать в отношениях между ними равенство долей. Учитывая все обстоятельства дела и, в первую очередь, степень виновности каждого из совместных причинителей, из коих один мог действовать с грубой, а другой—с простой неосторожностью, суд должен по своему усмотрению распределить между ними ущерб после того, как он был возмещен потерпевшему.

Необходимо иметь в виду, что солидарная ответственность установлена в интересах потерпевшего, но отнюдь не в интересах совместных причинителей. Поэтому, когда ставится вопрос о возмещении вреда потерпевшему, ни о какой «дозировке» ответственности не может быть речи: вред должен быть возмещен ему в полном объеме за счет всех причинителей или любого из них. Но после того, как потерпевшему вред возмещен, определение доли, падающей на каждого из совместных причинителей, в соответствии со степенью виновности и другими обстоятельствами дела, не только целесообразно, но и необходимо для оказания должного воспитательного воздействия на лиц, привлекаемых к гражданской ответственности, для устранения какой бы то ни было возможности постановки в равное положение лиц, сыгравших фактически различные роли в причинении вредных последствий.

Особенно недопустимы ошибки при разрешении дел, в которых к ответственности привлекаются лица, причи-

нившие вред умышленно, наряду с лицами, которые способствовали причинению вреда своей неосторожностью. Против ошибок подобного рода предупреждает постановление 51-го Пленума Верховного Суда СССР от 21 июля 1935 г.,¹ в котором отмечаются факты, когда, рассматривая дела о хищениях и растратах, суды привлекают к солидарной ответственности в сумме похищенного, наряду с расхитителями, также и лиц, осуждаемых за халатность, которая способствовала хищениям. Пленум указывает в связи с этим, что к ответственности «...за вред, причиненный каким-либо преступлением, должны привлекаться лишь непосредственные исполнители преступления и кто принимал участие в преступлении в виде подстрекательства или пособничества (содействием выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же сокрытием преступника или следов преступления)».

В практике применения этих указаний 51-го Пленума Верховного Суда СССР были допущены и ошибки иного рода. Некоторые суды считали возможным привлекать к солидарной ответственности только непосредственных исполнителей преступления, не распространяя ее на пособников и иных соучастников совершенного преступления. В определении № 415 по иску комбината «Искож» Верховный Суд поэтому вновь напоминает, что ст. 408 ГК предусматривает солидарную ответственность всех лиц, участие которых в преступлении доказано, независимо от роли, выполняемой каждым при совершении преступления, причинившего материальный ущерб.

§ 3. Объем ответственности при смешанной вине

Под смешанной виной понимают случаи, когда вред является результатом виновных действий как причинителя, так и потерпевшего. Смешанная вина отлична от сов-

¹ См. Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР за 1924—1944 гг., стр. 170—180.

местного причинения, с которым ее иногда ошибочно отождествляют. При смешанной вине виновен как причинитель, так и потерпевший. При совместном причинении вред причиняется несколькими лицами, но сам потерпевший невиновен.

Прямого указания на случаи смешанной вины в действующем законодательстве нет. Ст. 403 ГК говорит о том, что причинитель освобождается от ответственности, если будет доказано, что потерпевший допустил умысел или грубую неосторожность. Аналогичное правило содержится в ст. 404 ГК, упоминающей об умысле или грубой неосторожности потерпевшего как об обстоятельствах, которые освобождают от ответственности за вред, причиненный деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих. Но совершенно очевидно, что ст.ст. 403 и 404 ГК предусматривают лишь, так сказать, крайние случаи, когда причинитель вообще должен быть освобожден от ответственности. Между тем, вина потерпевшего не всегда может влечь за собой именно такие последствия. Иногда она должна служить основанием лишь для уменьшения объема ответственности причинителя, но не для полного освобождения его от ответственности. Именно при этих обстоятельствах и говорят о смешанной вине.

В самом деле, можно ли считать, что если потерпевший допустил грубую неосторожность, то причинитель всегда освобождается от ответственности? Будет ли правилен этот вывод, если сам причинитель действовал умышленно или если он действовал даже неосторожно, но при данных обстоятельствах к нему предъявляются особо высокие требования предусмотрительности?

С другой стороны, можно ли считать, что если потерпевший допустил не грубую, а простую неосторожность, то причинитель всегда должен нести ответственность в полном объеме? Будет ли правилен этот вывод, если причинитель вообще невиновен и несет ответственность по ст. 404 ГК или если он даже допустил неосторожность, но при данных обстоятельствах к нему нельзя предъявить более высоких требований предусмотрительности, чем к потерпевшему?

Но именно к этим неправильным выводам приводит буквальное понимание текста ст.ст. 403—404 ГК. В действительности же смысл указаний названных статей иной. Говоря о грубой неосторожности потерпевшего как об обстоятельстве, исключающем ответственность причинителя, закон тем самым указывает, что только при грубой небрежности потерпевшего может быть поставлен вопрос об освобождении от ответственности причинителя. При отсутствии грубой неосторожности этот вопрос вообще не может быть поставлен. Но отсюда вовсе не следует, что при наличии грубой неосторожности всегда причинитель должен освобождаться от ответственности или что при наличии простой неосторожности потерпевшего объем ответственности причинителя никогда не может быть уменьшен. Все зависит от конкретных обстоятельств дела, от характера деятельности, причинившей вред, от тяжести виновности причинителя и потерпевшего, от объема предъявляемых к ним требований предусмотрительности, от значения нарушенных ими требований и др.

Учитывая все эти обстоятельства, суд может и при грубой неосторожности потерпевшего возложить частично ответственность на причинителя, как и, с другой стороны, уменьшить объем ответственности последнего даже при простой неосторожности потерпевшего. Указанные обстоятельства определяют применение правил о смешанной вине в судебной практике.

Эти правила с достаточной полнотой изложены в указаниях Верховного Суда РСФСР еще в 1926 г., которые мы считаем целесообразным здесь воспроизвести в обширном извлечении. «Во многих случаях, — указывает Верховный Суд, — было бы совершенно неправильно возложить ответственность за причиненный вред полностью на причинителя ущерба, в иных случаях не менее ошибочным было бы освобождение от этой ответственности. Особые затруднения в практике судов возникали в тех случаях, когда наряду с наличием грубой небрежности потерпевшего налицо имелась не менее грубая небрежность, халатность и т. п. со стороны причинителя ущерба. Например, суд по делу устанавливает нетрезвое состоя-

ние потерпевшего в момент причинения ущерба (увечья) и в то же время несоблюдение железнодорожными служащими правил о предупредительных свистках, об уменьшении в определенных местах скорости движения и пр. В таких случаях суды обыкновенно либо не придавали значения грубой небрежности потерпевшего и возлагали ответственность за увечье на железную дорогу или орган комхоза, либо же отказывали потерпевшему в иске.

ГКК признала необходимым применение в этих случаях принципа смешанной ответственности, сущность которого заключается в следующем: поскольку причиненный ущерб является результатом неправильных, неосторожных или небрежных действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, постольку ответственность за этот ущерб должна быть „смешанной“, т. е. она может быть возложена в равной или в той или иной мере и на причинителя ущерба, и на потерпевшего. Таким образом, если, например, суд приходит к убеждению, что по делу является установленной смешанная ответственность, то, как общее правило, он может удовлетворить иски требования потерпевшего в полной или иной части подлежащего присуждению пособия».¹

Нельзя дать заранее точного критерия, сообразно с которым можно было бы всегда правильно решить, применима ли к данному случаю смешанная вина, или причинитель должен возместить вред в полном объеме, либо, наоборот, его вообще нужно освободить от ответственности. Было бы надуманным и искусственным предлагать судебной практике своеобразную «шкалу измерения» виновности причинителя и потерпевшего, попытки разработать которую встречаются в литературе.

Для того чтобы судить о том, в какой мере индивидуальные оттенки каждого дела влияют на его правильное решение, особенно в таком вопросе, как вопрос о смешанной вине, приведем примеры из судебной практики.

¹ Из доклада ГКК Верховного Суда РСФСР за 1926 г. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1935, стр. 77.

Колхозница К. рассыпала горячие угли в телятнике, вследствие чего возник пожар, который, однако, не был своевременно потушен потому, что колхоз не был обеспечен элементарно необходимыми противопожарными средствами. Верховный Суд указал в своем определении по этому делу: «Поскольку в материалах дела имеются достаточно веские данные, указывающие на то, что и само руководство колхоза проявило грубую неосторожность... следует признать, что было бы несправедливо всю материальную ответственность за причиненный вред возлагать на К.». Признав наличие грубой неосторожности как в поведении причинителя, так и в поведении потерпевшего, Верховный Суд применил правило о смешанной вине.

Иногда же вина потерпевшего является настолько ничтожной, что суд вообще не должен учитывать ее для определения объема ответственности причинителя. Так, П. потерпела увечье вследствие того, что станок, мимо которого она проходила, не был огражден и возле станка был очень узкий проход, в связи с чем платье ее было захвачено в станок и втянуло ее руку в машину. Отменяя решения и определения, коими в пользу П. была взыскана лишь часть возмещения с учетом ее вины, выразившейся в том, что сама она не проявила должной предусмотрительности, Верховный Суд указал: «...В действиях П. нельзя усмотреть грубой небрежности или грубой неосторожности, поэтому у Судебной коллегии не было оснований для применения принципа смешанной ответственности».

Верховный Суд констатировал здесь отсутствие не вообще вины, а грубой неосторожности потерпевшего. Однако в данном случае этого было достаточно для того, чтобы исключить применение правила о смешанной вине.

В некоторых делах Верховный Суд отвергает принцип смешанной вины потому, что из обстоятельств дела не усматривается наличие причинной связи между действиями потерпевшего и наступившим результатом. Так, Народный суд не только уменьшил объем ответственности, но и вообще отказал Б. в иске о возмещении ущер-

ба, вызванного причинением ему увечья во время обвала шахты, сославшись на то, что потерпевший, приступивший к работе в забое без его очистки, сам допустил грубую небрежность. Отменяя это решение, Верховный Суд указал, что техническая экспертиза установила возможность связи обвала в шахте с рядом причин, даже при том условии, что забой был хорошо очищен. Поэтому нельзя утверждать, что именно работа в неочищенном забое явилась причиной несчастного случая.

Итак, не только наличие вины потерпевшего, но и все другие обстоятельства дела, прежде всего моменты причинной связи и характер вины причинителя, должны учитываться судом в решении вопроса о допустимости применения принципа смешанной вины.

Но если этот принцип применен судом правильно, то как быть тогда с определением объема ответственности причинителя?

При этих условиях суд должен уменьшить объем ответственности причинителя, распределив общую сумму возмещения между ним и самим потерпевшим. Важнейшее значение имеет при этом учет степени вины причинителя и потерпевшего. «Когда по обстоятельствам дела будет установлено, — указывает ст. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г., — что вред возник не только в результате неправильных действий причинившего вред, но и вследствие грубой небрежности или грубой неосторожности самого потерпевшего, суд может, исходя из принципа смешанной ответственности, возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения вреда в соответствии со степенью вины каждой из сторон».

Основной недостаток в практике по делам этого рода состоит в том, что, признав наличие смешанной вины, суды, как правило, делят сумму ущерба пополам и предоставляют потерпевшему право на возмещение 50% причиненного ему вреда. Но такое решение не всегда является правильным. Все зависит от степени вины обеих сторон, учитывая которую суд вправе возложить на причинителя обязанность по возмещению не обязательно 50%, а любой, большей или меньшей части наступивших

вредных последствий. Этого требуют воспитательные задачи, стоящие перед советским судом, и принцип справедливости в решении каждого конкретного дела. Поэтому Верховный Суд и не устанавливает точной «дозировки» ответственности при смешанной вине, а предлагает судам, ориентируясь главным образом на степень виновности, самостоятельно решать вопрос в соответствии с индивидуальными особенностями данного случая.

§ 4. Объем ответственности по регрессным искам к рабочим и служащим

Юридическое лицо отвечает за вред, причиненный действиями его работников, если эти действия, будучи связанными с деятельностью юридического лица, являются противоправными, а в случаях, предусмотренных ст.ст. 403, 407 ГК, также и виновными. Но, возместив вред потерпевшему, юридическое лицо в свою очередь предъявит иск к работнику, являющемуся конкретным виновником наступивших вредных последствий. Такого рода иски носят наименование регрессных исков и отличаются некоторыми особенностями в сравнении с уже рассмотренными нами общими и специальными исками о возмещении вреда.

Первая их особенность связана с условиями предъявления таких исков. Они могут быть предъявлены лишь в том случае, если работник, причинивший вред, виновен, хотя бы причинение вреда и вытекало из деятельности, которая представляет повышенную опасность для окружающих. Ибо соответствующий объект — автомашина, трамвай, железнодорожный состав и т. д. — не только не принадлежит работнику, но и эксплуатируется им по заданию организации, в которой он работает. Поэтому юридическое лицо, возместившее причиненный вред в соответствии со ст. 404 ГК, при отсутствии вины конкретного причинителя, вообще лишено права на регрессный иск.

Вторая особенность связана с процессуальными предпосылками предъявления регрессных исков. Эти иски

могут быть предъявлены лишь после того, как состоялось и вступило в силу решение суда о взыскании возмещения с самого юридического лица. До вынесения такого решения отсутствует основание для предъявления иска, так как вред причинен работником не самому юридическому лицу, с которым он состоит в трудовых отношениях, а третьим лицам. Обычно конкретные виновники причинения вреда привлекаются также при рассмотрении дел по искам потерпевших к юридическому лицу. Чаще всего суды привлекают их в качестве свидетелей, реже — в качестве соответчиков (ст. 163 ГПК). Следует признать ошибочными оба пути, по которым иногда идут судебные органы. Работник заинтересован в исходе дела, так как впоследствии к нему будет предъявлен регрессный иск, но правовое положение свидетеля лишает его возможности активно участвовать в процессе. Привлечение же его в качестве соответчика практически приводило бы к тому, что, взыскав возмещение с юридического лица, суд лишил бы последнее права на регрессный иск, ибо своим решением он уже освободил от ответственности работника как соответчика (ст. 183 ГПК). Поэтому единственно правильным является привлечение работника, виновными действиями которого был причинен вред, в качестве третьего лица на стороне ответчика — юридического лица (ст. 167 ГПК).

Третья особенность связана с тем, что юридическое лицо, предъявляющее регрессный иск к своему работнику, находится с ним в трудовых отношениях. Поэтому при рассмотрении такого рода дел должны быть учтены нормы трудового законодательства, вносящие существенные коррективы в общие правила об ответственности за причиненный вред, установленные ст.ст. 403—415 ГК. Мы остановимся только на тех нормах трудового законодательства о материальной ответственности работника, которые применяются в делах по регрессным искам юридических лиц.

Особенность норм трудового законодательства о материальной ответственности, в сравнении с нормами гражданской ответственности за причиненный вред, состоит в том, что они не всегда исходят из принципа пол-

ного возмещения. Исходя из того, что возмещение вреда выплачивается работниками, как правило, за счет текущей заработной платы, советский закон, гарантируя охрану заработной платы, считает необходимым ограничить объем ответственности рабочих и служащих и допускает их полную, а иногда и повышенную ответственность только в особо предусмотренных случаях.

Ст. 83¹ КЗоТ устанавливает, что работник, по вине которого был причинен вред, должен нести ответственность в полном объеме лишь тогда, когда его действия содержат признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке. При этом, как указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 февраля 1944 г. по делу П.,¹ вовсе не обязательно, чтобы работник действительно подвергся уголовному наказанию. Уголовное дело может быть прекращено или следственные органы могут решить не возбуждать его, ввиду малозначительности деяния и вызванных им последствий (прим. к ст. 6 УК) или по иным обстоятельствам. Необходимо, однако, чтобы следственные или судебные органы имели свое суждение о наличии в действиях работника признака состава преступления. Только при этом условии работник должен нести материальную ответственность в полном объеме.

Для некоторых случаев трудовое законодательство (ст.ст. 83⁴ и 83⁵, а также ряд специальных актов) устанавливает повышенную материальную ответственность рабочих и служащих. Однако самый характер этих случаев (например, хищение инструментов) таков, что к регрессным искам юридических лиц по возмещению вреда в порядке ст.ст. 403—415 ГК они никакого отношения не имеют.

Во всех остальных случаях, для которых не установлена ни полная, ни повышенная материальная ответственность, рабочие и служащие отвечают в порядке предъявленного к ним регрессного иска лишь в пределах одной трети их месячной тарифной ставки или оклада

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944, стр. 63.

(ст. 83 КЗоТ).¹ Фактические обстоятельства дела иногда могут сложиться так, что и на основе ст. 83 КЗоТ предприятие в порядке регрессного иска получит полное возмещение. Если, например, заработная плата причинителя равна 900 руб., а возмещение, выплаченное юридическим лицом потерпевшему, составило 200 руб., то оно будет полностью компенсировано работником, так как треть его заработной платы (300 руб.) превышает объем причиненного вреда. Но если объем возмещенного юридическим лицом вреда превысит эту сумму, например, составит 500 руб., то юридическое лицо в порядке регрессного иска получит с работника неполную компенсацию, в нашем примере лишь 300 руб., составляющие одну треть получаемой им заработной платы. При этом предприятие или учреждение не всегда вправе единократно взыскать соответствующую компенсацию с работника, поскольку удерживаемая сумма вместе с другими удержаниями из заработной платы, основанными на судебном или бесспорном взыскании, не должны превышать 50% причитающейся работнику заработной платы (ст. 83² КЗоТ).

Ввиду того что нормы законодательства о труде устанавливают такой порядок ответственности рабочих и служащих перед предприятиями или учреждениями, который отличается от общих правил гражданской ответственности за причинение вреда, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 10 июня 1943 г. специально указывает: «Предприятия, учреждения и организации, обязанные... к возмещению вреда, причиненного по вине их работников, вправе переложить материальную ответственность на виновников причинения вреда в порядке ст. 83 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред причинен небрежностью в работе, или в порядке

¹ Действующее трудовое законодательство знает такие случаи, когда рабочие и служащие отвечают за причиненный ими вред в пределах от двух третей месячного заработка до трехмесячного заработка. Но мы специально на них не останавливаемся, поскольку для регрессных исков юридических лиц по ст. ст. 403—415 ГК они значения не имеют.

ст. 81¹ КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред вызван действиями, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке» (ст. 19).

Несмотря, однако, на ясность и четкость этого указания Верховного Суда, в практике по отдельным делам, к сожалению, и в настоящее время встречаются ошибки при разрешении вопроса об объеме ответственности рабочих и служащих по регрессным искам, предъявляемым к ним предприятиями и учреждениями.

Так, например, учебно-опытное хозяйство одного из институтов предъявило иск к гр-ке Э. о взыскании с нее стоимости имущества, похищенного у истца в результате того, что Э., работая в должности охранника в учебно-опытном хозяйстве, временно оставила дежурство, чем и воспользовались расхитители, которых впоследствии обнаружить не удалось. Суд, рассматривавший это дело, удовлетворил иск института в полном объеме, не выяснив ни наличия специального договора между истцом и ответчицей о полной материальной ответственности последней, ни факта привлечения ее к уголовной ответственности. Но при отсутствии хотя бы одного из этих обстоятельств Э. не могла нести ответственность в полном объеме причиненного вреда, а должна отвечать за наступивший вред лишь в пределах одной трети ее месячной тарифной ставки, ввиду чего Верховный Суд своим определением (№ 36/705) отменил состоявшееся по делу решение и направил его на новое рассмотрение.

В то же время при разрешении дел по искам предприятий и учреждений к их рабочим и служащим суд должен иметь в виду, что не всегда эти дела должны рассматриваться на основе норм трудового законодательства. Во всяком случае, эти нормы не всегда применимы к делам, которые возбуждаются не по регрессным, а по прямым искам предприятий и учреждений к их работникам. Все зависит от того, в связи с какими конкретными отношениями работником был причинен вред. Если вред возник не вследствие исполнения работником своих служебных обязанностей, а в силу иных обстоятельств, он несет ответственность на общих основаниях, в соответ-

вии со ст.ст. 403—415 ГК РСФСР. Рассматривая приведенное выше дело по иску отделения Госбанка к гр-ну Г. о возмещении стоимости погибшей лошади, Верховный Суд дал вполне определенные указания по этому вопросу. Он указал, что если Г. выезжал по делам, связанным с работой, и, таким образом, ущерб нанесен им при исполнении служебных обязанностей, то при установлении его вины в гибели лошади вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешен на основании трудового законодательства, в соответствии со ст.ст. 83—83^б КЗоТ. Если же ущерб нанесен Г-м не при исполнении служебных обязанностей, вопрос о его материальной ответственности должен быть разрешен в соответствии со ст.ст. 403 и 410 ГК РСФСР.

§ 5. Объем ответственности за причинение вреда имуществу колхозов

Имущество колхозов всемерно охраняется советским социалистическим правом. Важнейшую роль в этом деле, наряду с другими законодательными актами, изданными в последние годы, играет Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое обеспечило проведение действенных оперативных мер по возврату колхозам незаконно изъятого у них имущества. Изданный 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» направлен на охрану также и собственности колхозов.

Специальные меры, принимаемые советским государством в деле охраны колхозного имущества, обусловили ряд особенностей норм о гражданской ответственности за вред, причиненный имуществу колхозов. Когда же вред причиняется членом колхоза, колхозником, то здесь эти особенности дополняются также и тем, что при определении условий и объема гражданской ответственности должна учитываться специфика отношений между колхозом и колхозником как внутриколхозных отношений.

Содержание специальных правил о гражданской ответственности за вред, причиненный имуществу колхозов посторонними лицами и организациями, сводится, в основном, к следующему.

Если судебная практика по общегражданским делам идет по линии взыскания возмещения за причиненный вред в денежной форме и сравнительно редко прибегает к его возмещению в натуре, то в случаях причинения вреда колхозу, как правило, необходимо использовать общий принцип, установленный ст. 410 ГК, — принцип восстановления прежнего положения, принцип возмещения вреда в натуре. Ст. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г. о судебной практике по гражданским колхозным делам указывает, что по искам колхозов к лицам и организациям, самовольно обработавшим земли колхозов, суды должны выносить решения «...о взыскании в натуре урожая и сена с колхозных угодий, а при невозможности взыскания в натуре — присуждать их стоимость по рыночным ценам на соответствующие сельскохозяйственные продукты или фураж». Аналогичное правило установлено ст. 5 того же постановления для случаев потравы колхозных полей скотом, владельцы которого обязаны возместить ущерб от потравы в натуре, а при невозможности — стоимость потравленного по рыночным ценам. Причем владельцы скота несут ответственность перед колхозом не солидарную, а долевою.

Если по общегражданским делам о возмещении вреда штрафные санкции, как правило, не применяются, за исключением упомянутых ранее случаев, то в делах о возмещении вреда колхозу штрафные моменты имеются также и в некоторых иных случаях. Например, в той же ст. 3 указанного постановления Пленума говорится, что «лица и организации, самовольно использовавшие земли колхоза, не имеют права на получение с колхоза возмещения за труд и семена, вложенные в земельные участки». Безвозмездный переход к колхозу стоимости труда и семян, сверх возмещения ему ущерба в натуре, представляет собою не что иное, как штраф, которому подвергается правонарушитель.

Все эти меры, принимаемые в целях усиления гражданской ответственности за причиненный колхозу вред, служат делу повышенной охраны колхозного имущества от всех видов его повреждения и разбазаривания.

Переходим к особенностям гражданской ответственности за вред, причиненный колхозником колхозу.

Прежде всего, здесь несколько осложняется вопрос о юридической квалификации соответствующих случаев. Колхозник состоит в отношении членства с колхозом, и причинение вреда является, обычно, нарушением со стороны колхозника его членских обязанностей. Можно ли при этих условиях квалифицировать причинение вреда колхозником колхозу по ст. 403 или следует применить ст. 117 ГК? В судебной практике этот вопрос получил следующее разрешение: если поврежденное имущество не было передано колхознику по специальному договору между ним и колхозом, что бывает очень редко, ответственность возникает на основе ст. 403 ГК. Косвенное указание на необходимость применения к подобным отношениям норм о внедоговорной ответственности содержится в ст. 6 указанного постановления Пленума, которая говорит, что, независимо от возложения дисциплинарной ответственности на колхозника, он должен также возместить ущерб, объем которого подлежит определению в соответствии со ст. 410 ГК. При рассмотрении же конкретных дел суд не испытывает колебаний в применении ст. 403 ГК при отсутствии договорных отношений. Так, по делу А. и Р., к которым колхоз предъявил иск о возмещении стоимости скота, пропавшего вследствие неисполнения ответчиками возложенных на них колхозом обязанностей, Верховный Суд в своем определении указал: «Вывод суда о том, что ущерб колхозу в данном случае причинен по вине А. и Р., следует признать правильным, и, в силу ст. 403 Гражданского кодекса, суд имел основание возложить на них обязанность по возмещению причиненного колхозу вреда».¹

Далее, для привлечения колхозника к материальной ответственности за причиненный вред колхозу недоста-

¹ См. изложение этого дела у Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, 1949, стр. 11.

точно одного лишь факта нарушения колхозником своих обязанностей. Необходимо также наличие вины на стороне колхозника. Суды иногда пренебрегают этим требованием, забывая о том, что ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели прямо предусматривает возложение на колхозника ответственности за ущерб, причиненный колхозу бесхозяйственным и нерадивым отношением к колхозному имуществу, небрежностью в работе или иным нарушением трудовой дисциплины. Ошибки, допускаемые в решениях по делам этого рода, состоят также и в том, что, пытаясь провести в жизнь правило ст. 410 ГК о возмещении вреда в натуре, суды в некоторых случаях прибегают к замене поврежденных предметов, обязывая, например, колхозника взамен павшей по его вине лошади представить колхозу телку или корову.¹ Высшие судебные органы всегда отменяют подобные решения как явно искусственные, предлагая заменить возмещение денежной компенсацией.²

Наконец, дела по возмещению вреда, причиненного колхозником колхозу, обладают известной спецификой также в определении объема ответственности колхозника. Если в виде общего правила закон устанавливает, что возмещению подлежат все убытки, в том числе и так называемая упущенная выгода (ст. 117 ГК), то колхозники за причиненный ими вред отвечают только в пределах положительного ущерба в имуществе. Этот принцип, прочно утвердившийся в нашей практике, сформулирован в ст. 6 указанного постановления Пленума, в которой говорится: «Размер подлежащего возмещению ущерба должен определяться в этих случаях, исходя из прямого ущерба колхоза...». Судебная практика и руководящие указания Пленума установили также для этих дел изъятие из общего правила о неприменимости в отношениях между гражданами и социалистическими организациями ст. 411 ГК, позволяющей суду при определении объема возмещения учитывать материальное положение сторон. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от

¹ См. Б. А. Лисковец, ук. соч., стр. 11.

² См. изложение и критику этой практики там же, стр. 14—15.

10 июня 1943 г. вновь воспроизводится соответствующее указание, дававшееся и ранее в разъяснениях и постановлениях высших судебных органов: «Указания ст. 411 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик о принятии во внимание имущественного положения потерпевшего неприменимы к тем случаям, когда потерпевшими являются государственные, кооперативные и общественные учреждения, предприятия и организации». В отступление от этого общего правила ст. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г. предлагает судам определять объем причитающегося колхозу возмещения «...с учетом конкретной обстановки, при которой был причинен ущерб, а также материального положения колхозника...».

Но в то же время для некоторых случаев причинения вреда колхозу установлена повышенная материальная ответственность колхозников. Такая повышенная ответственность установлена, в частности, уже упоминавшейся нами ст. 23 Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. для случаев гибели по вине колхозников лошадей колхоза.

Само собой разумеется, что ст. 411 ГК неприменима к делам, для которых законом установлена повышенная материальная ответственность. На этой точке зрения стоит и наша судебная практика.¹

Оставляя в стороне целый ряд других вопросов, специально возникающих в связи с делами о причинении вреда колхозником колхозу, и отсылая для ознакомления с этими вопросами к работе Б. А. Лисковец «Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза», мы считаем необходимым отметить в заключение, что при всей специфике этих дел вовсе не исключается применение к ним общих норм о гражданской ответственности за причиненный вред. Ст.ст. 403—415 ГК должны применяться к делам этого рода, поскольку для решения отдельных связанных с ними вопросов в законе или иных нормативных актах не установлены специальные правила.

¹ См. ее освещение у Б. А. Лисковец, ук. соч., стр. 21.

Глава V

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УВЕЧЬЯ И СМЕРТИ

§ 1. Ответственность за причинение увечья

Постоянная забота о советском гражданине составляет одну из важнейших задач Коммунистической партии и Советского государства. В капиталистических странах «...права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации»,¹ хищническое осуществление которой порождает массовую смертность и увечья трудящихся. Наоборот, в нашей стране «партия и правительство всегда проявляли и проявляют большую заботу о сохранении здоровья нашего народа».² Бережное отношение к каждому работнику, забота о его нуждах и потребностях, создание максимально благоприятных условий на производстве и в быту составляют неотъемлемое качество самого социалистического общественного строя. Великий вождь советского народа и трудящихся всего мира товарищ Сталин учит нас «...ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу». «Надо, наконец, понять, — указывает товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющих-

¹ Речь И. В. Сталина на XIX съезде партии, «Правда», 15 октября 1952 г.

² Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 70.

ся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».¹ Отношение Советского государства к людям как к самому ценному капиталу «... из всех ценных капиталов, имеющих в мире...»,² проявляется в целой системе мер, принимаемых в целях охраны интересов личности, в целях предоставления ей самых широких возможностей развития ее талантов и способностей. Право на труд, право на отдых, право на образование и другие конституционные права советского гражданина гарантируют ему возможность активного участия в общественно-производственной жизни страны, гарантируют ему условия для удовлетворения самых разнообразных потребностей и интересов в их гармоническом сочетании с интересами общественными. При этом Сталинская Конституция, как и советский закон вообще, «... не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав»³.

Решающую роль среди этих гарантий реального осуществления прав советского гражданина играет сам советский социалистический общественный строй, само советское социалистическое общество, в котором «... нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества».⁴ В нашей стране ликвидированы «феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй»,⁵ построено новое, социалистическое общество, в котором «„скромный” и „незаметный” труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории».⁶

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 491.

² Там же.

³ Там же, стр. 518.

⁴ Там же, стр. 589.

⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 9.

⁶ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 422.

В то же время реальность осуществления прав советского гражданина обеспечивается целой системой законодательных норм, направленных на борьбу со всякого рода нарушениями этих прав, в том числе и норм гражданского права. Цель установления норм гражданской ответственности в этой важнейшей области социалистических общественных отношений состоит в том, чтобы в первую очередь обеспечить возмещение имущественного ущерба, понесенного гражданином вследствие нарушения и ущемления его личных прав.

Само собой разумеется, что ни увечье, ни смерть сами по себе невозместимы. Жизнь и здоровье советского гражданина непереводимы ни на какую денежную компенсацию, в отличие от капиталистического общества, устроенного так, что вещи, «...которые сами по себе не являются товарами, напр. совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму».¹ Но если невозместимы физические и моральные страдания, вызванные причинением увечья и смерти, то имущественные последствия этих фактов, например, расходы на лечение и погребение, утраченный заработок или средства к существованию иждивенцев погибшего, вполне могут и должны быть возмещены. Обеспечение возмещения этих имущественных последствий увечья и смерти и составляет цель установления норм о гражданской ответственности за причиненный вред.

Имущественные последствия, связанные с причинением увечья, выражаются прежде всего в виде расходов на лечение потерпевшего и заработка, который он утратил вследствие потери трудоспособности. Иногда потерпевший нуждается в постороннем уходе за собой. Тогда к сумме имущественного ущерба должны быть присоединены и эти расходы.

Практические трудности, возникающие в связи с рассмотрением дел этого рода, связаны, главным образом, с определением размера возмещения, право на которое имеет потерпевший.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 115.

Размер расходов на лечение потерпевшего определяется сравнительно просто. Суд должен на основе медицинского освидетельствования установить, в каком именно лечении нуждается потерпевший,—сюда относится и протезирование, и специальное лечение, в том числе курортно-санаторное, и дополнительное питание. Если врачебная экспертиза дала заключение о том, что во всех этих видах лечения или в некоторых из них потерпевший действительно нуждается, то возмещение в его пользу присуждается в размере фактически понесенных им расходов. То же самое следует сказать и о расходах, связанных с необходимостью постороннего ухода за потерпевшим. Если по заключению врачебной экспертизы потерпевший действительно нуждается в постороннем уходе за ним, то обязанность по возмещению стоимости ухода возлагается судом на причинителя.

Единственное затруднение, которое испытывает судебная практика при разрешении этого вопроса, обусловлено тем, что соответствующие расходы должны возмещаться по их фактической величине, которая может быть определена лишь после того, как эти расходы были произведены, между тем как потерпевшие требуют уплаты соответствующих сумм вперед, для того чтобы, скажем, иметь возможность приобрести путевку на курорт, железнодорожный билет до места отдыха и т. д. Отказ потерпевшим в удовлетворении этих требований вплоть до фактического израсходования соответствующих средств иногда приводит к тому, что они практически вообще лишаются возможности эти расходы произвести. Но, с другой стороны, предварительная выплата денег для их соответствующего израсходования в будущем может иногда привести к тому, что потерпевший использует полученные им деньги не по прямому назначению. Ввиду этих затруднений известные колебания обнаруживает и судебная практика. Мы полагаем, что наиболее правильным мог бы быть следующий путь. Взыскание средств на приобретение путевки может производиться, на основе врачебного заключения, в предварительном порядке, с тем, однако, чтобы ответчик переводил определенные судом суммы непосредственно той организации, которая должна выдать

путевку потерпевшему. Что же касается сумм, необходимых для проезда в оба конца, то, ввиду того что суммы эти обычно незначительны по своим размерам, их последующее или предварительное возмещение едва ли может иметь принципиальное значение. Поэтому мы не видим препятствий к их немедленному взысканию, если суд положительно разрешил основной вопрос — вопрос о взыскании стоимости курортной путевки.

Гораздо более сложно обстоит дело с определением размера подлежащего возмещению заработка, который был утрачен потерпевшим вследствие причинения ему увечья. Технически разрешение этого вопроса наиболее целесообразно проводить в такой последовательности.

В первую очередь необходимо определить средний месячный заработок потерпевшего. Для этого нужно с самого начала установить, является ли потеря трудоспособности временной или постоянной. Соответствующие указания об этом содержатся в заключении ВТЭК.

В случае временной потери трудоспособности среднемесячный заработок исчисляется в соответствии с заработком потерпевшего за два календарных месяца, предшествовавших несчастному случаю. Если же потеря трудоспособности является постоянной, то среднемесячная заработная плата выводится соответственно заработку, полученному потерпевшим за 12 предшествовавших календарных месяцев (ст. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.). Если лицо выполняет постоянную работу на предприятии или в учреждении, то его среднемесячный заработок определяется путем суммирования заработной платы за предшествующие 12 (или соответственно — 2) месяцев и последующего деления этой суммы также на 12 (или соответственно на 2) частей. В том же случае, если потерпевший не находился на постоянной работе (литераторы, работники искусств, кустари и др.), его среднемесячный заработок устанавливается путем деления на двенадцать частей общего заработка за предшествующий год (ст. 7 того же постановления).

Изложенные общие правила определения среднемесячного заработка потерпевшего не всегда, однако, приме-

нимы в их чистом виде ко всем встречающимся в практике случаям. Иногда бывает, что потерпевший, который ранее вообще нигде не работал, проработал на предприятии, на котором ему было причинено увечье, менее 12 или даже менее одного месяца, т. е. всего лишь несколько дней. В делах такого рода суду не остается ничего иного, кроме как вывести среднемесячный заработок путем суммирования заработка потерпевшего за проработанные им месяцы (например, 3 или 4 месяца), либо, если потерпевший проработал менее одного месяца, путем определения его среднего дневного заработка с последующим умножением для установления заработка среднемесячного.

Второе, более сложное и более спорное отклонение от изложенных правил определения среднемесячного заработка имеет место в случаях, когда потерпевший хотя и проработал на предприятии, на котором ему было причинено увечье, менее 12 месяцев, но перешел на это предприятие с другого места работы. Возникает вопрос, можно ли при определении среднемесячного заработка потерпевшего исходить только из его заработной платы и срока работы в месте причинения увечья, или к этому нужно присовокупить соответствующий срок работы на предшествующем предприятии с учетом его прежней заработной платы, с тем чтобы соблюсти требование о 12-месячном периоде как основе определения среднемесячного заработка при стойкой утрате трудоспособности? Тот же по существу вопрос возникает и тогда, когда потерпевший проработал в месте причинения ему увечья 12 и более месяцев, однако в течение этого периода он выполнял различные по квалификации работы или занимал различные по оплате должности, причем на последней работе или должности, на которой ему и было причинено увечье, он проработал менее 12 месяцев. Из какого заработка здесь следует исходить — из общей суммы за все 12 месяцев, несмотря на изменение места работы, квалификации или должности, либо из суммы заработка, полученного потерпевшим на последнем месте работы, где ему и было причинено увечье? Разумеется, если потерпевший получал твердую ставку и сумма ее не изменилась, не-

смотря на перевод на другую должность или в другое предприятие, постановка указанных вопросов лишена практического смысла. Однако, как правило, перевод на другое предприятие или на новую должность, а тем более изменение квалификации неизбежно связаны также и с изменением заработка. Если заработок изменился в сторону увеличения, то потерпевший заинтересован в том, чтобы оплата его труда по прежнему месту работы не учитывалась, как и наоборот, в случае уменьшения заработной платы потерпевшего он настаивает на учете его прежнего заработка.

Иногда говорят, что нужно исходить только из заработка, который получил потерпевший по последнему месту работы, так как именно этого заработка (или его соответствующей части) потерпевший лишился и имеет право на его возмещение.

С этим взглядом, однако, нельзя согласиться. Тот, кто настаивает на нем, упускает из виду основную причину, в силу которой при определении среднего заработка лица, понесшего стойкую утрату трудоспособности, необходимо исходить из такого длительного периода предшествующей работы, как 12 месяцев. Это правило находит свое объяснение в том, что в случаях причинения увечья суд должен определить возмещение на будущее время, исходя из данных, которые относятся к прошедшему времени. Поэтому совершенно очевидно, что чем более длительным будет предшествующий период, учитываемый судом, тем более его выводы будут соответствовать действительности, относящейся к будущему времени. В самом деле, почему, как правило, нельзя определять средний заработок потерпевшего, исходя из его заработка в день или даже в месяц причинения увечья? Потому, что на основе такого краткого периода нельзя определить среднюю, типичную для данного лица величину его заработка. Но разве те же соображения не имеют силы в случаях изменения места работы потерпевшим? Если в течение всего лишь одного года, предшествовавшего моменту причинения увечья, места его работы менялись, то имеются ли основания предполагать, что в течение всего последующего, обычно гораздо более продолжительного

времени он продолжал бы оставаться на последнем месте работы, если бы ему не было причинено увечье? Если типичную, среднюю для данного лица линию, относящуюся к будущему времени, приходится определять на основе данных, относящихся к прошедшему времени, то решение вопроса будет, вероятно, тем более правильным, чем более длительным является прошедший период, принимаемый судом во внимание. Для случаев стойкой утраты трудоспособности такой период определен в 12 месяцев. Из него и следует исходить не только тогда, когда потерпевший все эти 12 месяцев проработал в месте причинения увечья, но и в случаях, когда в течение указанного периода потерпевший менял должности, квалификацию или место работы.

Определив среднемесячную заработную плату потерпевшего, суд получает тем самым в свое распоряжение один из показателей, необходимых для исчисления суммы причиненного ущерба. Вслед за этим необходимо обратиться ко второму показателю и установить, в какой мере потерпевший потерял трудоспособность в результате увечья. Этот второй показатель содержится в заключении ВТЭК, к которому суд и должен обратиться.

Различные случаи потери трудоспособности могут быть сведены к трем основным вариантам.

Первый вариант: потерпевший частично утратил, а частично сохранил профессиональную трудоспособность. Например, потерпевший, среднемесячный заработок которого равен 1000 руб., утратил профессиональную трудоспособность на 40% и, следовательно, частично сохранил ее на 60%. В этом случае размер причиненного ему ущерба равен 400 руб. в месяц.

Второй вариант: потерпевший полностью утратил профессиональную трудоспособность, но сохранил (полностью или частично) общую трудоспособность, т. е. способность к неквалифицированному труду. Если потерпевший сохранил, хотя бы частично, профессиональную трудоспособность, то утрата или сохранение им общей трудоспособности во внимание не принимается, так как он не может одновременно и работать по своей профес-

сии, и выполнять простую неквалифицированную работу. Но если потерпевший полностью утратил профессиональную трудоспособность, тогда важно знать, какую заработную плату он может впредь получать при сохранившейся общей трудоспособности, так как этот возможный заработок должен быть исключен из общей суммы причитающегося ему возмещения. Например, потерпевший, среднемесячный заработок которого был равен 1000 руб., полностью утратил профессиональную, но сохранил на 50% общую трудоспособность. Тогда, при среднем заработке неквалифицированного рабочего, равном 200 руб., он может впредь зарабатывать 100 руб. в месяц, и сумма причитающегося ему возмещения будет равна 900 руб. в месяц (1000 руб. — 100 руб.).

Третий вариант: потерпевший полностью утратил и общую, и профессиональную трудоспособность. Тогда средний заработок, который он получал ранее, и составит размер причиненного ему ущерба. Например, потерпевший, среднемесячный заработок которого равен 1000 руб., полностью утратил и профессиональную, и общую трудоспособность. В этом случае размер причиненного ему ущерба и будет равен 1000 руб. в месяц.

Итак, при определении объема возмещения необходимо сопоставить среднемесячный заработок, который потерпевший получал ранее, с тем заработком, который он может получать при сохранившейся после увечья трудоспособности. Разница между этими двумя величинами и составит сумму возмещения, подлежащую выплате потерпевшему ежемесячно.

Но это еще не всегда приводит к окончательному решению вопроса об объеме причитающегося потерпевшему возмещения. Дело в том, что рабочие и служащие страхуются за счет предприятия и учреждения в порядке социального страхования. Поэтому в случае увечья они получают пособие по соцстраху, которое уменьшает размер причиненного им ущерба. Например, потерпевший, среднемесячный заработок которого равен 1000 руб., утратил профессиональную трудоспособность на 50%. Сумма причиненного ему ущерба равна 500 руб. в месяц.

Но если он получает пособие в порядке социального страхования в размере 150 руб. ежемесячно, то сумма возмещения должна быть соответственно уменьшена: он вправе взыскивать с причинителя ежемесячно не 500, а 350 руб. (500—150 руб.).

Таким образом, общая сумма платежей, которые потерпевший вправе получить после увечья (пособие по соцстраху, заработок при сохранившейся трудоспособности, возмещение от причинителя), не должна превышать размера заработка, который он получал до причинения увечья. С причинителя потерпевший может взыскать возмещение лишь того ущерба, который не компенсируется суммой пособия по соцстраху и заработком, который он может получать впредь при сохранившейся трудоспособности.

Но если из суммы возмещения, причитающейся потерпевшему, должна быть исключена сумма пособия, которое он получает в порядке социального страхования, то не могут ли органы социального страхования в свою очередь взыскать с причинителя ту сумму, которую они выплачивают потерпевшему?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно выяснить, всегда ли сам потерпевший вправе взыскивать возмещение с причинителя или иногда он должен ограничиться пособием, которое ему выплачивают органы социального страхования? Ответы на этот вопрос содержатся в ст.ст. 413—414 ГК.

Если потерпевший вообще не был застрахован в порядке социального страхования, то он вправе всегда взыскать соответствующее возмещение с причинителя, при наличии общих условий ответственности, предусмотренных ст.ст. 403—404 ГК. Если же потерпевший был застрахован в порядке социального страхования, тогда следует различать два варианта случаев.

Первый вариант: потерпевший застрахован предприятием, на котором он работает, но увечье ему было причинено не этим предприятием, а третьим лицом (например, рабочий Кировского завода потерпел увечье в трамвае во время поездки на работу). Тогда он вправе

взыскать с причинителя разницу между заработком, который он получал ранее, и суммой пособия по соцстраху, а также заработком, который при сохранившейся трудоспособности он может получать впредь. Со своей стороны, органы социального страхования могут предъявить к причинителю регрессный иск о взыскании с него тех сумм, которые они выплачивают потерпевшему (ст. 414 ГК). Если вред причинен обычной деятельностью, право на предъявление исков к причинителю и у потерпевшего, и у органов социального страхования возникает лишь при наличии вины причинителя. Если вред причинен деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих, право на предъявление тех же исков возникает и при отсутствии вины причинителя.

В случаях смешанной вины следует учитывать вину потерпевшего не только при определении объема возмещения, причитающегося ему, но и в решении вопроса о том, в каком объеме подлежит удовлетворению регрессный иск органов социального страхования или социального обеспечения. Проиллюстрируем это на следующем примере. Заработок, утраченный потерпевшим в результате причинения ему увечья, равен 1000 руб. в месяц, но так как ему назначено пособие в сумме 200 руб., то фактически причиненный ему ущерб равен 800 руб. в месяц. Суд, рассматривая дело, установил смешанную вину. Если причинитель и потерпевший были виновны в равной степени, то суд взыщет в пользу потерпевшего лишь 50% утраченного им заработка, т. е., в нашем примере, 400 руб. Вслед за этим органы социального обеспечения предъявляют к предприятию-причинителю регрессный иск, ибо предприятие также допустило вину, повлекшую за собою несчастный случай. За некоторыми, весьма немногими исключениями, с которыми нам пришлось столкнуться, суды обычно при этих условиях удовлетворяют регрессные иски органов социального обеспечения в полной сумме пособия, выплаченного ими потерпевшему. Но, очевидно, это неправильно и противоречит самим же судом установленному факту смешанной вины. Вернемся вновь к нашему примеру. Суд уже установил в деле

по иску потерпевшего, что и он и причинитель допустили вину равной степени, и потому распределил между ними наступивший вред поровну (по 400 руб.). Но если вслед за этим по регрессному иску органов социального обеспечения с причинителя будет взыскана вся сумма пособия (200 руб.), то это фактически означает, что, несмотря на равную вину потерпевшего и причинителя, последний все же понесет ответственность в сумме 600 руб. (400 руб. + 200 руб.) из общей суммы 1000 руб., т. е. в объеме 60%. Очевидно поэтому, что и при рассмотрении дел по регрессным искам органов социального обеспечения необходимо учитывать степень вины причинителя и взыскивать с него в порядке регресса не всю, а лишь соответствующую его вине часть суммы выплаченного потерпевшему пособия. В нашем примере, в котором мы исходили из равных степеней вины потерпевшего и причинителя, с последнего должна быть взыскана половина выплаченного потерпевшему пособия, т. е. 100 руб. (200 : 2). В результате причинитель соответственно его степени вины возместит половину ущерба, т. е. 500 руб. (400 руб. потерпевшему и 100 руб. органам собеса), а вторая половина переносится на потерпевшего (400 руб.) и органы социального обеспечения (100 руб.).

Второй вариант: потерпевший застрахован предприятием, на котором он работает, и увечье было ему причинено на том же предприятии. Тогда он ограничится только получением пособия по соцстраху. Ни органы социального страхования, ни сам потерпевший не имеют в этом случае никаких прав по отношению к причинителю. Ибо причинитель страховал потерпевшего от возможного несчастного случая, и потому после его наступления обязанность возмещения передается на органы социального страхования (ст.ст. 412, 413 ч. 1 ГК). Это правило действует не только тогда, когда вред причиняется обычной деятельностью: здесь и без всякого страхования причинитель не отвечает, поскольку он невиновен. Это правило действует и тогда, когда вред причиняется деятельностью, представляющей повышенную

опасность для окружающих, и потому для ответственности вины причинителя не требуется. При помощи мер социального страхования ответственность за случаи невиновного причинения переносится с причинителя на страховщика.

Но предприятие или учреждение может причинить вред застрахованному им работнику виновно. Тогда, несмотря на то, что потерпевший был застрахован причинителем, он сохраняет право на взыскание с последнего разницы между заработком, который он получал ранее, и пособием по соцстраху в сумме с заработком, который он может получать впредь при сохранившейся трудоспособности. В свою очередь, и органы социального страхования вправе предъявить регрессный иск к причинителю о возмещении им тех сумм, которые они выплачивают в виде пособия потерпевшему (ст. 413, ч. II). Ибо нельзя при помощи мер страхования снять с себя ответственность за виновное причинение вреда.

Виновность страхователя, который причинил увечье застрахованному, должна выразиться в совершении преступного действия или бездействия (ст. 413, ч. II). Под преступным действием или бездействием страхователя следует понимать несоблюдение им действующих правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда, если это повлекло за собой несчастный случай с потерпевшим. Мероприятиям по технике безопасности Советское государство, проявляющее отеческую заботу о тружениках социалистического хозяйства, уделяет огромное внимание. В то же время, условия труда в СССР максимально облегчаются благодаря тому, что у нас рост производительности труда «...является прежде всего результатом широкого внедрения в народное хозяйство новой техники и передовых технологических процессов, результатом механизации и электрификации производства, особенно механизации трудоемких и тяжелых работ, а также результатом лучшей организации труда, роста общеобразовательного и культурного уровня трудящихся и повышения их производственной квалифика-

ции».¹ «...машины в СССР, — учит товарищ Сталин, — всегда берегают труд обществу...»,² «...они вместе с тем облегчают труд работников, ввиду чего в наших условиях, в отличие от условий капитализма, рабочие с большой охотой используют машины в процессе труда».³ Однако, чем более повышается технический уровень нашего производства, тем более серьезные меры по технике его эксплуатации должны быть предприняты. Непринятие этих мер, а тем более нарушение устанавливаемых ими требований влечет за собою как уголовную ответственность конкретных виновников, так и гражданскую ответственность предприятия перед потерпевшим, хотя бы последний и был застрахован причинителем. Наличие этих нарушений должно быть установлено компетентным органом (ст. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 июня 1943 г.). Поэтому особенно важно в ходе судебного разбирательства точно установить, в чем именно выразилась виновность ответчика, и отразить это в мотивировочной части решения по делу. «В судебном решении, — указывает Пленум Верховного Суда СССР, — должны быть подробно указаны обстоятельства, при которых причинен вред...» (ст. 24 указанного постановления). Суд должен также установить, не была ли допущена вина самим потерпевшим, и в подлежащих случаях, в соответствии с изложенными ранее правилами, применить принцип смешанной вины (ст. 12 того же постановления).

В судебной практике по делам о возмещении за вред, связанный с причинением увечья, возникает целый ряд вопросов, вызывающих некоторые затруднения. Остановимся на ряде таких вопросов.

Потерпевший мог получать по различным основаниям пенсию и до причинения ему увечья. Должна ли учитываться и эта пенсия при определении причитающегося

¹ Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 44—45.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 43.

³ Там же.

ему возмещения, с тем чтобы последнее было на соответствующую сумму уменьшено? На этот вопрос следует ответить отрицательно. В судебной практике встречаются дела, когда увечье причиняется лицам, которые, получая пенсию по старости, продолжают работать и получают заработную плату. Верховный Суд признает за ними право на возмещение убытков от потери заработной платы вследствие причиненного им вреда, не учитывая при этом размера получаемой ими пенсии.¹ Аналогичную точку зрения Верховный Суд высказал также и по делам о причинении увечья получающим пенсию, но работающим инвалидам.² Верховный Суд не допускает также уменьшения объема причитающегося потерпевшему возмещения по тому основанию, что он страдал общим заболеванием и до причинения ему увечья. Поскольку такое заболевание не препятствовало трудовой деятельности потерпевшего ранее, нет оснований уменьшать объем причитающегося ему возмещения после несчастного случая.³

Не следует ли, однако, в этих случаях учитывать особенности правил социального обеспечения, согласно которым гражданин, имеющий право на пенсию по двум и более основаниям, фактически может получать лишь одну пенсию по избранному им основанию? Практически здесь возникает вопрос, сущность которого можно было бы объяснить на следующем примере. А. получает заработную плату в сумме 1000 руб. в месяц и, кроме того, пенсию по старости в сумме 300 руб. ежемесячно. Следовательно, общая сумма его месячных доходов равна 1300 руб. В результате увечья он полностью лишился как профессиональной, так и общей трудоспособности, т. е. утратил месячный заработок в сумме 1000 руб. Ему назначена пенсия по увечью в сумме 300 руб. Должна ли зачитываться эта пенсия в счет сумм, которые он вправе

¹ См. Определение № 206 по иску Б. и З. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1940, стр. 227.

² См. Определение № 1042 по иску П. (там же, стр. 228).

³ См. Определение № 286 по иску Г. (там же, стр. 229).

взыскивать с причинителя? В случае ее зачета, потерпевший сможет взыскать с причинителя лишь 700 руб. (1000—300). Но так как органы Собеса будут выплачивать ему не две пенсии (и по старости, и в силу увечья), а одну, в сумме 300 руб. ежемесячно, то сумма его ежемесячных доходов будет равна не 1300 р., как это имело место ранее, а всего лишь 1000 руб. (700 + 300). Совершенно очевидно, что этот разрыв был бы устранен, если бы при этих условиях, т. е. при наличии у потерпевшего права на пенсию из двух и более оснований, пенсия, назначенная по увечью, не зачитывалась в счет возмещения. Однако судебная практика по этому пути не идет. В определении № 36/702 по иску Л. Верховный Суд прямо указывает, что пенсия, которую потерпевший получает как инвалид Отечественной войны, зачету не подлежит, и потому суд обязан установить, какую пенсию он мог бы получать вследствие причиненного ему ответчиком увечья, с тем чтобы зачесть ее в сумму причитающегося к последнему возмещения.

Мы полагаем, что имеются серьезные основания для пересмотра этой практики. Если потерпевший, имеющий право выбора, решил сохранить за собою пенсию, которую он получал ранее, то это фактически приведет к своего рода амнистии для виновного причинителя. В самом деле, сумма причитающегося с него возмещения будет уменьшена на величину пенсии, которую в силу увечья мог бы получать потерпевший, но с самого причинителя органы Собеса эту сумму взыскивать не смогут, ибо они выплачивают потерпевшему пенсию не за увечье, а по иному основанию — по старости, инвалидности и т. д. В результате лицо, причинившее вред, например, на 1000 руб., возместит его лишь в сумме 700 руб., если потерпевшему причиталась бы при этих условиях пенсия в размере 300 руб., а потерпевший в свою очередь, как это показано в приведенном примере, вместо прежнего месячного дохода в сумме 1300 руб. будет получать доход в сумме 1000 руб. В том же случае, если бы пенсия по увечью, которая потерпевшему определена, но которой он фактически не получает, ввиду

получения им пенсии по другому основанию, вовсе не учитывалась, в пользу потерпевшего взыскивалось бы полное возмещение и притом всецело и исключительно за счет виновного причинителя.

Иногда потерпевшие, уже получающие возмещение от причинителя, предъявляют через некоторое время повторные иски об увеличении объема возмещения в связи с общим повышением заработка работников их квалификации. Такие иски не должны удовлетворяться, ибо, как указывает Верховный Суд в одном из своих определений, убытки, подлежащие возмещению на основании ст. 410 ГК РСФСР от потери заработной платы, исчисляются из расчета заработной платы потерпевшего к моменту причинения вреда.¹ Такого рода иски не могут быть обоснованы и ссылкой на ст. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. Указанная статья говорит о возможности изменить размер возмещения с учетом изменившегося материального положения сторон. Но совершенно очевидно, что если повышается средний заработок работников той квалификации, которой потерпевший обладал до причинения ему увечья, то от этого материальное положение самого потерпевшего нисколько не изменится.

В судебной практике возникает еще и следующий вопрос. Потерпевший продолжает работать и после причинения ему увечья, получая фактически больший заработок, чем он мог бы получать при сохранившейся трудоспособности. Например, потерпевший, зарабатывавший до увечья 1000 руб. и потерявший профессиональную трудоспособность на 40%, фактически получает не 600, а 800 руб. после увечья. Можно ли уменьшить объем причитающегося ему возмещения на 200 руб. (800 руб. — 600 руб.)? Этот вопрос был разрешен Верховным Судом РСФСР еще в 1926 г. Верховный Суд указал, что только в том случае, когда потерпевший продолжает работать на прежней работе в том же предприятии и по-

¹ См. Определение № 716 по иску Л. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1946 стр. 227.

лучает ту же или большую заработную плату, чем до причинения ему увечья, последняя может быть учтена в порядке истолкования или исполнения решения. Во всех остальных случаях, т. е. если потерпевший работает на другом предприятии, или в том же предприятии, но на другой работе, или на той же работе, но с меньшим заработком, чем до увечья, он имеет право на полное возмещение, хотя бы фактически получаемая им заработная плата и превышала заработок, который он мог бы получать при сохранившейся трудоспособности.

Это указание Верховного Суда РСФСР, относящееся к 1926 году, в значительной мере устарело. Оно создает серьезные затруднения на практике, что уже неоднократно отмечалось в нашей печати, из сообщений которой видно также, что в ряде случаев это указание вообще не может быть применено.

Именно поэтому Верховный Суд СССР в своих решениях, относящихся к последнему времени, существенно изменяет эту практику, вводя такие правила зачета, настоятельную потребность в которых давно уже испытывают наши судебные органы. В качестве одного из первых определений ГСК Верховного Суда СССР, относящихся к интересующему нас вопросу, следует упомянуть об определении № 36/1090 по иску К. к Монтажному бюро о возмещении ущерба. К. работал в Монтажном бюро в качестве монтера и в результате причиненного ему увечья утратил профессиональную трудоспособность на 100% и общую на 30%. В соответствии с этими данными ему и была определена сумма возмещения заработка, которая не погашалась назначенной для него пенсией по нетрудоспособности. ГСК Верховного Суда СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора, указала, что хотя потерпевший и выполняет теперь новую работу, занимая должность и. о. инженера по нормированию, а потому формально, в свете постановления пленума Верховного Суда РСФСР от 23 июня 1926 г., его заработок зачету в сумму возмещения не подлежит, однако, учитывая, что новая профессия была получена им благодаря проявленной заботе о нем со стороны ответчика, последний «имеет право в порядке исполнения судебного решения произво-

дить зачет заработка К. по новой должности в счет присужденных в его пользу платежей».

Приведенное определение, как может показаться на первый взгляд, не парализует ранее сложившуюся судебную практику по вопросу о зачете, а лишь дополняет ее правилом, соответствующим особым обстоятельствам данного дела: хотя потерпевший и перешел после причинения ему увечья на другую работу, но так как к выполнению последней его подготовил ответчик, то ответчику и должно быть предоставлено право зачета. В действительности, однако, названное определение знаменует собою поворот в зачетной практике судебных органов, о чем свидетельствуют последующие решения, принятые Верховным Судом СССР по тому же вопросу. Эти решения получили свое обобщенное выражение в определении ГСК Верховного Суда СССР по иску А (№ 03/347), в котором говорится: «...Если потерпевший продолжает работать и имеет постоянный заработок, то ответчик, возмещающий ему убытки за причиненный вред, может ставить вопрос о зачете заработка, получаемого истцом после увечья, в счет присужденных ему сумм независимо от того, где и какую работу он выполняет».

Таким образом, как видно из выделенных нами слов, Верховный Суд стоит на позиции неограниченного применения зачета при наличии у потерпевшего постоянного заработка и тем самым устраняет недоумения, возникавшие в связи с практикой, которая сложилась на почве указаний Верховного Суда РСФСР от 23 июня 1926 г.

Но и на почве относящихся к 1926 г. указаний Верховного Суда РСФСР по вопросу о зачете одна из встречающихся в судебной практике ошибок не находит оправдания. Мы имеем в виду случаи, когда потерпевший продолжает работать на прежней должности в том же предприятии и заработок его фактически не уменьшился, т. е. когда налицо все условия, необходимые для применения зачета даже в свете этих устаревших указаний. Некоторые судебные решения по такого рода делам основаны на предположении, будто бы зачет применим лишь к будущему, но не к прошедшему времени. Например, А. в апреле 1950 г. потерпел увечье, в результате которого

он утратил трудоспособность на 50%. Тем не менее он продолжает работать на прежней должности в том же предприятии, получает прежнюю заработную плату (например, 1000 руб.). Иск предъявляется в марте 1952 г., т. е. через 23 месяца после несчастного случая. Удовлетворяя такие иски по праву, суды иногда, помимо этого, фактически взыскивают определенные ими суммы за прошедшее время (в нашем примере, $500 \times 23 = 11\,500$ р.), полагая, что, несмотря на наличие условий для зачета за время, истекшее до предъявления иска, возмещение должно быть взыскано в полном объеме. Нет поэтому ничего удивительного в том, что лица, к которым зачет применим по прямому указанию Верховного Суда РСФСР 1926 г., предъявляют, обычно, иски накануне истечения сроков давности, взыскивая единократно весьма солидные и фактически не причитающиеся им суммы, на чем, собственно, дело и заканчивается.

Такая практика решительно ни на чем не основана. Если налицо все условия, необходимые для применения зачета, он должен быть применен ко всем суммам, взыскиваемым за период, когда эти условия возникли, хотя бы иск и был предъявлен впоследствии, а потерпевший требовал возмещения за прошедшее время.

Особое положение в общей системе рассматриваемых дел занимают дела о возмещении вреда, связанного с причинением увечья несовершеннолетним.

Определение размера расходов, производимых на лечение несовершеннолетнего и уход за ним, и здесь не вызывает затруднений, поскольку оно производится по тем же самым правилам, что и в случае причинения увечья взрослым. Менее ясным представляется вопрос о возмещении несовершеннолетним ущерба, связанного с потерей трудоспособности. В момент рассмотрения дела в суде этот вопрос вообще не может быть решен, ибо, если потерпевшему 8—10 лет, то еще нельзя говорить об утрате им трудоспособности, поскольку трудовая дееспособность в СССР возникает лишь с достижением 16-летнего возраста. Поэтому ст. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.

указывает, что в решениях по этим делам суды, взыскав в пользу потерпевшего возмещение расходов на лечение и уход за ним, должны также признать за ним право на возмещение убытков от потери трудоспособности по достижении им 16-летнего возраста. Что же касается размера возмещения, то, как указывает Верховный Суд РСФСР, суд должен его определить «... в соответствии с минимумом, какой будет ко времени наступления совершеннолетия установлен соцстрахом на основании средней заработной платы неквалифицированного рабочего... Потерпевший вправе при наступлении совершеннолетия просить суд об увеличении этого периодического вознаграждения, если фактические данные к тому времени установят, что он безусловно получил бы к тому времени иную квалификацию труда, чем неквалифицированный рабочий...».¹

Но эти новые данные должны быть тщательно исследованы и оценены. Так, рассматривая дело по иску Р., Верховный Суд указал в своем определении: «Совершенно необоснованным является решение суда об увеличении ежемесячного пособия до 225 руб. среднего заработка заведующего канцелярией. Истец действительно к моменту рассмотрения дела закончил среднее образование. Однако это обстоятельство не может служить основанием для признания за истцом прав на пособие в размере среднего заработка заведующего канцелярией, так как окончание средней школы, хотя и дает необходимые знания для занятия канцелярским трудом, однако не дает квалификации заведующего канцелярией. Для получения последней необходимы, помимо общих знаний, получаемых в средней школе, также специальные знания по ведению делопроизводства, а кроме этого — практический опыт работы. Истец этих специальных знаний и опыта не имеет, а потому может претендовать лишь на увеличение его пособия до заработка среднего неквалифицированного канцелярского работника».²

¹ Постановление Верховного Суда РСФСР от 16 мая 1927 г. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1935, стр. 89.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1940, стр. 234.

Наконец, хотя и очень редко, но могут встретиться в практике дела, когда вред причиняется лицу совершеннолетнему и трудоспособному, но не работающему в данное время. При решении этих дел суд должен руководствоваться ст. 415 ГК, которая указывает, упоминая о незастрахованных лицах, что в подобных случаях потерпевший, по усмотрению суда, приравнивается к соответствующей категории рабочих и служащих в зависимости от его имущественного положения и общественной полезности. Причитающееся ему вознаграждение не должно превышать сумму, которую при тех же обстоятельствах получил бы застрахованный от причинителя и органов социального страхования.

Возмещение за причинение увечья во всех случаях должно производиться периодическими платежами. Выдача единовременной суммы за несколько месяцев или, тем более, несколько лет (капитализация платежа) запрещена. Внесение капитализированной суммы в Госстрах с последующей ее периодической выплатой потерпевшему не только допускается, но и является обязательным, в случае ликвидации предприятия, обязанного к возмещению вреда.

Дела о возмещении за вред, вызванный причинением увечья, практически являются наиболее сложными в общей массе дел, предусмотренных ст.ст. 403—415 ГК. К их разрешению нужно подходить с особой тщательностью. При этом особенно важно, чтобы судебное рассмотрение дела было обеспечено необходимыми доказательствами. Во всяком случае, суд должен истребовать следующие документы: акт о несчастном случае, справку о размере заработка потерпевшего к моменту увечья, справку о размере назначенной потерпевшему пенсии или пособия по социальному страхованию или социальному обеспечению, справку о семейном и имущественном положении потерпевшего, заключение технической инспекции о причинах несчастного случая и заключение врачебной комиссии о степени утраты потерпевшим профессиональной и общей трудоспособности (ст. 23 постановления Пленума Верховного Суда

СССР от 10 июня 1943 г.). Можно без всякого преувеличения сказать, что, не обеспечив получения хотя бы одного из перечисленных документов, суд лишит себя возможности вынести правильное решение по делу.

§ 2. Ответственность за причинение смерти

Когда причиняется смерть, то в качестве понесших имущественный ущерб могут выступать две категории лиц: иждивенцы погибшего и лица, которые произвели расходы на его погребение (ст. 409 ГК). Расходы на погребение определяются по фактическим данным, если они не выходят за пределы нормально необходимых расходов. Иногда к ним добавляются также расходы на лечение потерпевшего, если оно действительно предшествовало наступлению смерти.

Право на возмещение имеют также иждивенцы погибшего, но лишь при том условии, что они являются нетрудоспособными и не имеют иных средств к существованию. К числу этих лиц относятся как те, кто фактически состояли на иждивении потерпевшего, так и те, кто по закону имели право на получение от него средств к существованию (например, несовершеннолетние дети или нетрудоспособные и нуждающиеся родители). Но при этом необходимо, чтобы у перечисленных лиц не было иных средств к существованию. Если такие средства имеются, если, например, иждивенцы получают пенсии и пособия, достаточные для существования, они лишаются права на получение возмещения в порядке ст. 409 ГК.

Следует притти также к выводу, что иждивенцы лишаются права на получение возмещения и в тех случаях, когда причинителем является страхователь потерпевшего, не допустивший преступного действия или бездействия, о которых говорит ст. 413 ГК. При этих условиях причитающееся им возмещение ограничивается суммой пенсий, выдаваемых им органами социального обеспечения. И только тогда, когда смерть явилась результатом преступного действия или бездействия со

стороны организации, страховавшей потерпевшего, иждивенцы последнего вправе взыскать соответствующее возмещение с причинителя. Такое же право предоставляется органам социального обеспечения, которые могут в порядке регрессного иска взыскать с причинителя суммы, выплаченные ими в виде пенсий иждивенцам потерпевшего.

Рассмотрим теперь вопрос об определении суммы возмещения. В ст. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. содержится по этому поводу следующее указание: «Возмещение за вред в этих случаях определяется в соответствии с той частью заработка умершего, которая приходится на содержание членов семьи или иждивенцев... В тех случаях, когда возмещение за вред на основании ст. 409 ГК присуждается в пользу нескольких лиц, в решении должно быть точно указано, какая сумма возмещения и на какой период времени присуждается каждому из истцов». Иногда на практике это указание получает не совсем правильное разрешение. Обычно суды делят общую сумму заработной платы погибшего на всех нетрудоспособных членов семьи, присоединяя к ним и самого погибшего, а затем соответствующую долю присуждают в пользу каждого из нетрудоспособных. Например, если средний заработок потерпевшего равен 2000 руб. в месяц, семья его состояла из 5 человек, в составе которых имелось три нетрудоспособных иждивенца, суд делит эту сумму на четыре части ($2000 : 4$) и присуждает по 500 руб. на каждого иждивенца. Такое решение является, конечно, неправильным, ибо фактически при жизни потерпевшего на иждивенцев могла приходиться и иная сумма. Во-первых, необходимо учитывать, что и другие члены семьи, хотя они и были трудоспособными, могли фактически содержаться погибшим. Во-вторых, расходы на каждого иждивенца также могли при жизни потерпевшего фактически распределяться отнюдь не в равных долях. В еще большей мере ошибочными следует признать иногда встречающиеся попытки применять к решению этого вопроса нормы о взыскании алиментов. Во-

первых, не все иждивенцы могут быть приравнены к детям, имеющим право на алименты. Во-вторых, даже для выплаты возмещения детям нормы об алиментах здесь неприменимы, ибо мы имеем здесь дело с совершенно иными правоотношениями.

Для определения размера возмещения необходимо установить, какую именно часть своей заработной платы потерпевший расходовал на содержание иждивенцев, и уже в пределах этой суммы определить долю, причитающуюся каждому из них. В том же примере потерпевший фактически мог расходовать на содержание своих трех иждивенцев не 1500 руб., а лишь 900 руб., поскольку у него было и два других члена семьи, трудоспособных и совершеннолетних, но фактически содержавшихся им. Поэтому даже при разделе указанной суммы на равные доли на каждого иждивенца будет приходиться не 500, а 300 руб.

Само собой разумеется, что с математической точностью определить сумму возмещения, причитающуюся каждому иждивенцу, невозможно. Но при достаточно полном исследовании всех обстоятельств дела вполне возможно, в значительной мере, приблизить пособие, которое причинитель обязан выплачивать иждивенцу, к размеру расходов, действительно производившихся на его содержание. После определения этой суммы она должна быть уменьшена на сумму пенсий, которую получают иждивенцы от органов социального обеспечения.

Суд должен определить не только размер возмещения, но и срок, в течение которого последнее должно выплачиваться каждому иждивенцу. С этой точки зрения иждивенцы могут быть подразделены на две группы. К первой группе относятся совершеннолетние, которые в силу потери трудоспособности или старости лишены иных средств к существованию. В пользу таких иждивенцев возмещение присуждается соответственно до восстановления трудоспособности или пожизненно. Ко второй группе относятся несовершеннолетние иждивенцы. Верховный Суд РСФСР разъяснил, что «при

определении возраста, до достижения которого должны выплачиваться платежи в пользу несовершеннолетних детей в случае причинения смерти их родителям, надлежит руководствоваться не нормами семейного права, а п. 9 ст. 189 КЗоТ, согласно которой (редакция 27 мая 1929 г.) в случае смерти родителей подлежат обеспечению дети (в том числе усыновленные), не достигшие 16-летнего возраста, а обучающиеся в учебных заведениях — 18-летнего возраста».¹

§ 3. Особенности ответственности колхоза за причинение увечья и смерти колхознику

Мы уже видели, что ответственность колхозника за вред, причиненный им имуществу колхоза, отличается по сравнению с общими правилами о гражданской ответственности некоторыми особенностями, обусловленными характером внутриколхозных отношений. Те же отношения обуславливают также и некоторые особенности ответственности колхозов за причинение увечья и смерти колхозникам.

Обычно дела о причинении увечья или смерти рассматриваются либо по ст. 413 ГК, когда причинитель вреда является страхователем потерпевшего, либо по ст. 414 ГК, когда вред причиняется третьими лицами. В случае причинения увечья или смерти в колхозе ст. 413 ГК не применяется, ибо, как известно, колхозники не страхуются в порядке социального страхования. Но было бы неправильно также применять к делам этого рода и ст. 414 ГК, ибо, хотя колхоз и не является страхователем колхозника, он тем не менее не является и посторонним субъектом для потерпевшего, который состоит членом данного колхоза. Поэтому ст. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г. предлагает определить ответственность колхоза за увечье, полученное колхозником вследствие неправильных действий колхоза, по ст. 403 ГК.

¹ Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, 1935, стр. 89.

Само собой разумеется, что ст. 403 ГК применима лишь тогда, когда вред причиняется обычной деятельностью. Если же причиной увечья явилась деятельность, представляющая повышенную опасность, ответственность возникает по правилам ст. 404 ГК. К такого рода деятельности относится работа, связанная с использованием машин и двигателей в колхозе, которые, однако, не являются собственностью колхоза, а могут принадлежать МТС и другим организациям. Принадлежность машин и двигателей не колхозу, а другим организациям имеет важное значение для решения вопроса о том, кому должен быть предъявлен иск потерпевшим. В той же ст. 10 названного постановления Пленума указывается по этому поводу, что «за увечье, причиненное колхознику машинами и двигателями, деятельность которых представляет повышенную опасность для окружающих, ответственность причинившего вред перед потерпевшим определяется по ст. 404 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик и возлагается на учреждение, предприятие или организацию, являющиеся владельцами машин и двигателей».

Рассматривая дела по искам колхозников к колхозам о возмещении за вред, вызванный причинением увечья, суды должны тщательно исследовать обстоятельства, при которых произошел несчастный случай, а также установить, повлек ли он утрату трудоспособности и в какой мере последняя была утрачена. На этом основании суды должны определить и размер материального ущерба, который понес колхозник вследствие причинения ему увечья. Ущерб этот зависит от размера заработка, который в силу потери трудоспособности был потерпевшим утрачен.

Но само по себе установление объема причиненного ущерба еще не предопределяет окончательно объема ответственности колхоза. Необходимо также выяснить, каково имущественное положение потерпевшего, и учесть хозяйственную мощь колхоза. Лишь с учетом всех этих данных объем ответственности колхоза может быть определен судом. Следовательно,

ст. 411 ГК, обычно не применяемая к отношениям между гражданами и социалистическими организациями, получает свое применение к случаям возмещения вреда в отношениях между колхозом и колхозником. Как было отмечено ранее, имущественное положение сторон должно быть учтено при возложении на колхозника обязанности по возмещению причиненного им вреда имуществу колхоза. Те же обстоятельства учитываются также и при возложении на колхоз обязанности по возмещению вреда, причиненного им колхознику.

Каким образом производится самая выплата возмещения, причитающегося колхознику в связи с причинением ему увечья в колхозе?

В практике имели место случаи, когда суд присуждал такое возмещение в трудоднях за счет кассы взаимопомощи колхоза. Такое решение вопроса является неправильным. В определении по делу К. Верховный Суд указал: «Если при новом рассмотрении дела суд установит, что причиненный К. вред все же должен быть ему возмещен, суд должен присудить ему возмещение в денежной форме, а не в трудоднях, так как, согласно Примерному Уставу сельскохозяйственной артели, трудодни колхозникам начисляются только за их работу в колхозном производстве и по обслуживанию колхозного хозяйства. Взыскиваемая сумма должна быть присуждена с колхоза, а не с кассы взаимопомощи...».¹ Ст. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 мая 1950 г., давая ту же принципиальную установку о недопустимости определения суммы возмещения в трудоднях, предоставляет все же возможность взыскивать возмещение в виде периодических платежей не только денежного, но и натурального характера.

Итак, с точки зрения его формы, возмещение за вред, вызванный причинением увечья колхознику, ничем по существу не отличается от возмещения за вред, вызванный причинением увечья вообще. Оно выступает в виде взыскиваемых с колхоза периодических денежных пла-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1940, стр. 232.

тежей в пользу потерпевшего. Отличие состоит в том, что суд может присудить возмещение в форме как денежных, так и натуральных периодических платежей. Однако суд при этом обязан определить натуральное возмещение не путем начисления трудодней, а в твердом количестве соответствующих продуктов, которые должны периодически выдаваться колхозом потерпевшему.

В случае смерти колхозника, связанной с его работой в колхозе, право на возмещение предоставляется его нетрудоспособным иждивенцам. Но и этот вопрос должен решаться с соответствующим учетом тех особых правил, которые применяются к случаям ответственности колхоза за причинение колхознику увечья.

Глава VI

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА

По общим правилам гражданского права течение исковой давности начинается с того момента, когда возникло право на предъявление иска (ст. 45 ГК). Поскольку же право на возмещение вреда возникает в тот момент, когда вред был причинен, следует прийти к выводу, что с того же момента начинается и течение исковой давности.

Применение этого правила к делам о причинении ущерба имуществу не вызывает сомнений. По-иному должен решаться тот же вопрос в делах о возмещении за вред, вызванный причинением увечья. Для предъявления иска в делах такого рода потерпевший должен знать, в каком объеме ему причинен имущественный ущерб. Данные для ответа на этот вопрос в момент причинения самого увечья отсутствуют. Ибо размер имущественного ущерба, который понес потерпевший, зависит от степени потери трудоспособности и от размера назначенной ему пенсии, на сумму которой должен быть уменьшен объем возмещения, взыскиваемого с причинителя. Как указывает Верховный Суд РСФСР, «потерпевший не может предъявить иск, пока... не был предварительно вырешен вопрос, не имеет ли он получить полностью или отчасти возмещение вреда в порядке солидарности и пока об этом решении по его подавшему им

в срок заявлению ему не было объявлено».¹ С этого момента и начинается течение исковой давности по делам о возмещении за вред, вызванный причинением увечья.

В специальном разрешении нуждается также и вопрос о том, с какого момента органы социального страхования и социального обеспечения могут предъявить регрессные иски к причинителям о возмещении пособий и пенсий, которые они выплачивают потерпевшему. Ст. 22 постановления Пленума Верховного Суда от 10 июня 1943 г. предлагает при определении начального момента течения срока исковой давности различать пособия, выплачиваемые по временной нетрудоспособности, и пенсии по инвалидности.

Исковая давность по регрессным искам о возмещении выплаченного потерпевшему пособия по временной нетрудоспособности начинается со дня окончания выплаты этих пособий.

По регрессным искам о возмещении пенсий по инвалидности, выплачиваемых потерпевшему, исковая давность течет самостоятельно для каждой суммы, выданной потерпевшему в порядке выплаты пенсий.

Что же касается сроков исковой давности, то и для обязательств по возмещению вреда действуют общие правила, сформулированные в ст. 44 ГК, которая устанавливает трехгодичный срок давности для отношений, где хотя бы одной из сторон является гражданин, и полуторагодичный срок давности для отношений между социалистическими организациями. Эти сроки распространяются не только на иски потерпевших, но и на регрессные иски органов социального страхования и социального обеспечения. Поэтому, если регрессный иск предъявляется к гражданину, действует трехгодичный, а когда он предъявляется к социалистической организации — полуторагодичный срок давности.

Исключение из этих общих правил составляет ст. 404 ГК, примечание к которой устанавливает специаль-

¹ См. также определение ГСК Верховного Суда СССР в Сборнике постановлений Пленума и определении коллегии Верховного Суда СССР, 1941, стр. 113.

ный двухгодичный срок исковой давности. Однако для применения этого специального двухгодичного срока исковой давности, согласно тексту ст. 404 ГК, необходимо наличие двух условий. Во-первых, необходимо, чтобы вред был причинен деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих, поскольку только к этим случаям ст. 404 ГК вообще может получить применение. Во-вторых, необходимо, чтобы ответчиком по требованиям, как об этом сказано в примечании к ст. 404 ГК, выступал орган государства. Это второе условие судебная практика толкует расширительно, распространяя его на все случаи, когда в качестве ответчика выступает социалистическая организация вообще, а не обязательно только государственная социалистическая организация. Но если ответчиком является гражданин, то к искомому требованию потерпевшего должен быть применен не специальный срок исковой давности, установленный ст. 404 ГК, а общий, трехгодичный давностный срок. Есть основания также полагать, что в отношениях, в которых и в качестве истца, и в качестве ответчика выступают социалистические организации, также действует не специальный, а установленный для них общий, т. е. полуторагодичный срок исковой давности. Основания для такого предположения заключены в самой цели установления сокращенного срока в ст. 404 ГК, а также в целях, ввиду которых для отношений между социалистическими организациями общий срок исковой давности (полтора года) является более кратким, чем для отношений с гражданами (три года).

Основную массу случаев, квалифицируемых по ст. 404 ГК, составляет причинение увечья и смерти. Сокращенный срок исковой давности (два года) и вводится для этих отношений, поскольку фактическая нужда в обеспечении содержания потерпевшему должна выявиться в течение весьма сокращенного времени. Когда же не только ответчиком, но и истцом по делу является социалистическая организация, то это означает, что вред причиняется имуществу, а не личности. С другой стороны, сокращенный общий срок давности для отношений

между социалистическими организациями введен для укрепления финансовой и плановой дисциплины, для стимулирования к возможно более быстрому осуществлению имущественных прав социалистическими организациями. Это целевое назначение сокращенного, полуторогодичного срока, установленного для отношений между социалистическими организациями, сохраняет свою силу и для случаев причинения вреда их имуществу деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих. Поэтому мы полагаем, что тогда, когда обязательство по возмещению имущественного вреда в отношениях между социалистическими организациями квалифицируется по ст. 404 ГК, должен быть применен установленный для них общий, полуторогодичный срок исковой давности.

Согласно установившемуся делению сроков исковой давности на общие и специальные, давностный срок, установленный ст. 404 ГК, должен быть отнесен к специальным срокам. Особенность специальных сроков иногда усматривают не только в том, что они являются более краткими, чем общие сроки, но также и в том, что они не могут ни приостанавливаться по основаниям, указанным в законе, ни восстанавливаться по решению суда. Этот взгляд уже был в значительной мере поколеблен в применении к специальным срокам для принятия наследства постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1942 г., которое установило, что течение указанных сроков может быть приостановлено. Но оно во всяком случае неприменимо к специальному сроку, установленному ст. 404 ГК. Ибо в примечании к ст. 404 ГК прямо говорится, что этот срок может быть приостановлен на общих основаниях (ст. ст. 48 и 49 ГК). Более того, помимо общих оснований для приостановления исковой давности, определенных в Гражданском кодексе, примечание к ст. 404 ГК устанавливает для предусмотренных ею отношений еще одно, дополнительное основание: срок давности по этой статье приостанавливается также со дня обращения потерпевшего (или, в случае его смерти, лиц, находившихся на его иждивении) в под-

лежащие органы социального страхования впредь до назначения пенсии или отказа в ней.

Если истец пропустил срок исковой давности, то, согласно ст. 49 ГК, во всех случаях, когда причины пропуска суд признает уважительными, он может восстановить этот срок. Правда, ст. 49 ГК употребляет слово «продлить», а не «восстановить». Фактически же речь идет именно о восстановлении, а не о продлении пропущенного давностного срока. Ибо соответствующее ходатайство заявляется истцом суду вместе с предъявлением искового требования. Поэтому, если ходатайство истца будет удовлетворено, но по каким-либо причинам дело не будет рассмотрено, то наступит перерыв исковой давности, и, согласно ст. 50 ГК, давность начнет течь снова. Суд вправе восстановить исковую давность по обязательствам, разрешаемым как на основе ст. 403 ГК, так и на основе ст. 404 ГК.

Однако для восстановления пропущенного истцом давностного срока должны быть установлены действительно серьезные основания. Ознакомление же с практикой по делам о причинении вреда, особенно по делам о причинении увечья, показывает, что суды обычно восстанавливают пропущенный истцом срок по одному лишь ходатайству последнего, либо вовсе не указывая на причины, по которым пропуск давности признан уважительным, либо в лучшем случае сославшись на юридическую неосведомленность истца. Такая практика приводит по существу к тому, что фактически к делам этого рода исковая давность вообще не применяется, что находится в явном противоречии с существующими по этому поводу требованиями закона, который допускает восстановление давности лишь при наличии уважительных причин ее пропуска.

Признание соответствующих причин уважительными зависит от конкретных обстоятельств дела. Так, например, обстоятельства одного из дел сводились к тому, что несовершеннолетний, работавший в Кондукторском резерве ст. Сызрань, был направлен для сцепки вагонов на подъездные пути, принадлежавшие конторе «Заготзерно»,

где он и потерпел увечье. Виновниками причиненного увечья явились Кондукторский резерв, направивший, вопреки существующему на этот счет запрещению, несовершеннолетнего на сцепку вагонов, и контора «Заготзерно», не обеспечившая должного освещения подъездных путей во время сцепки. В этом деле у суда имелись все основания для восстановления давности, поскольку причиной ее пропуска явилась не просто юридическая неосведомленность потерпевшего, а неосведомленность, обусловленная его несовершеннолетием.

В тех же случаях, когда у суда нет оснований для признания уважительными причин, по которым истец пропустил давностный срок, он должен вынести решение об отказе в иске за пропуском давности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Глава I.</i> Значение и область применения обязательств по возмещению вреда	3
<i>Глава II.</i> Общие условия ответственности за причинение вреда	14
§ 1. Противоправность действия или бездействия	14
§ 2. Причинная связь	21
§ 3. Вина	29
§ 4. Законодательное регулирование условий ответственности за причинение вреда	39
<i>Глава III.</i> Условия ответственности по специальным видам обязательств из причинения вреда	45
§ 1. Ответственность за деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих	45
§ 2. Ответственность за вред, причиненный актами власти	51
§ 3. Ответственность за вред, причиненный недееспособными	55
§ 4. Возложение по суду ответственности за вред в случаях, когда причинитель не обязан к его возмещению	63
<i>Глава IV.</i> Объем ответственности	65
§ 1. Принцип полного возмещения	65
§ 2. Объем ответственности при совместном причинении	70
§ 3. Объем ответственности при смешанной вине	74
§ 4. Объем ответственности по регрессным искам к рабочим и служащим	80
§ 5. Объем ответственности за причинение вреда имуществу колхозов	85
	125

<i>Глава V.</i> Ответственность за причинение увечья и смерти	стр. 90
§ 1. Ответственность за причинение увечья	90
§ 2. Ответственность за причинение смерти	112
§ 3. Особенности ответственности колхоза за причинение увечья и смерти колхознику	115
<i>Глава VI.</i> Исковая давность по делам о возмещении вреда	119

Подписано к печати 8.XII.1952 г.
М-51735. Печ. л. 6.56. Уч. л. 6.7.
Тираж 10.000. Заказ 1846.

Типография ЛГОЛУ, Ленинград,
Университетская набережная. 7/9.